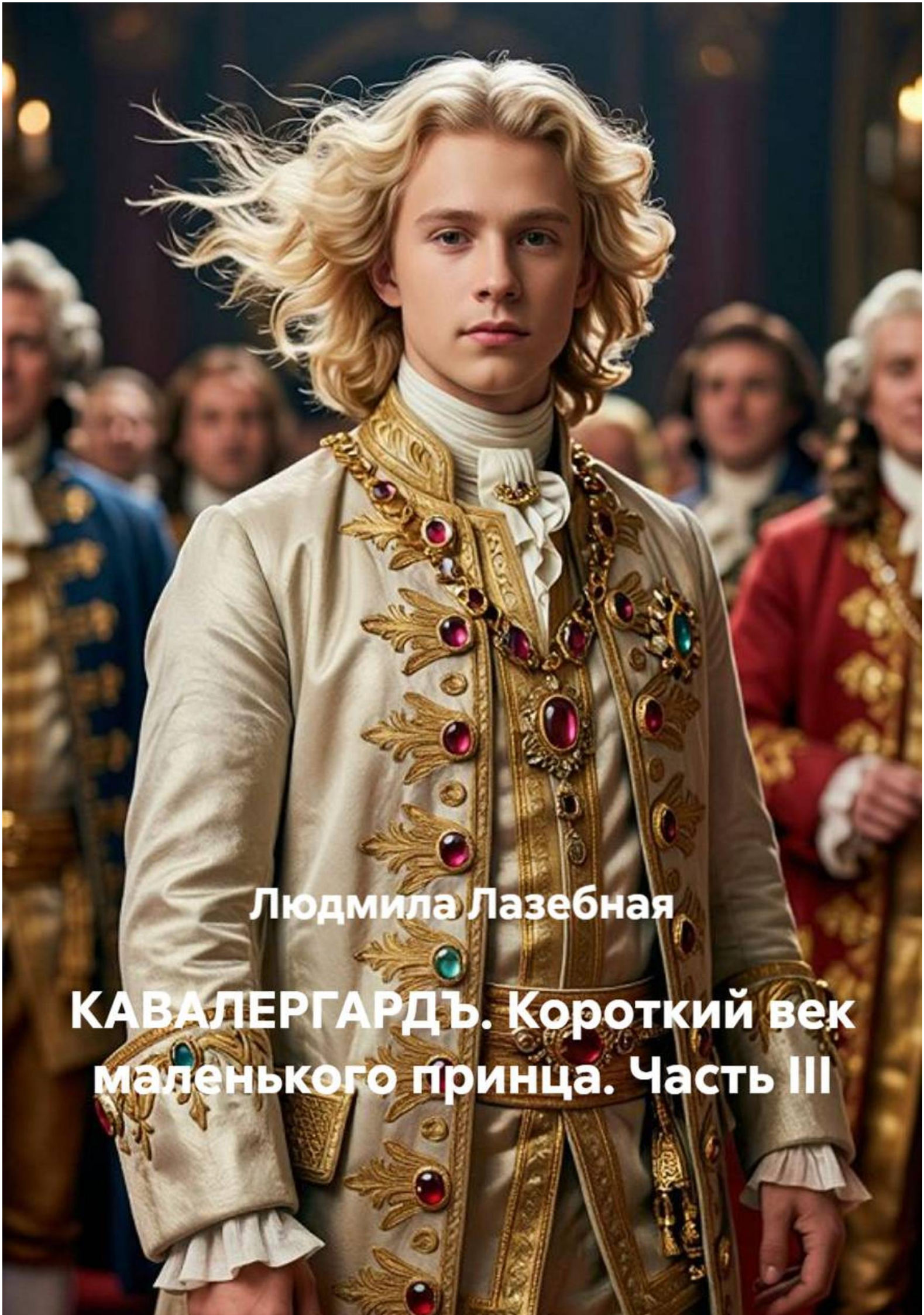

Людмила Лазебная

КАВАЛЕРГАРДЪ. Короткий век маленького принца. Часть III

Людмила Лазебная

КАВАЛЕРГАРДЪ. Короткий век маленького принца. Часть III

«Автор»
2026

Лазебная Л. С.

КАВАЛЕРГАРДЪ. Короткий век маленького принца. Часть III /
Л. С. Лазебная — «Автор», 2026

После смерти Екатерины первой на российский престол взошёл юный красавец блондин - внук Петра Великого Пётр II Алексеевич. Царский Двор переехал в Москву. Юный император увлечённый охотой и карточными играми, мало интересуется государственными делами. Жизнь цесаревны Елизаветы Петровны меняется к худшему. Дворцовые интриги, которые ведутся представителями древних боярских родов не допускают Елизавету до императора, несмотря на их прежнюю дружбу. В далёком городе Киль после родов умирает старшая дочь Петра I и Екатерины I - Анна. На похороны направляются верные друзья гвардейцы Тимофей Лебедев, Александр фон Штольц и Афанасий Сурнов, которые в недавнем времени вернулись из далёкой Сибири. О смерти цесаревны Анны ходят разные слухи. Елизавета поручает гвардейцам отыскать оригинал текста Тестамента, подписанного покойной её матушкой. После непродолжительной болезни умирает единственная родная сестра юного императора Петра II Наталья. Интриги, расследования и хитросплетения../

© Лазебная Л. С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 45

Людмила Лазебная
КАВАЛЕРГАРДЪ. Короткий век маленького принца. Часть III

Часть III
БЕЗВРЕМЕНЬЕ или
КОРОТКИЙ ВЕК «МАЛЕНЬКОГО ПРИНЦА»
Глава первая
«Питербурху пусту быти!»

«Всему своё время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время сшивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру».
Екклесиаст, Глава 3.
***

Быстрой голубкой пролетело несколько лет с тех пор, как поручик царского конного Лейб-регимента Тимофей Лебедев верой и правдой начал служить Отечеству и Престолу Российскому в Санкт-Петербурге. После Петра Великого всего лишь два года страной правила Матушка-императрица Екатерина I, а после её кончины, согласно оставленному Самодержицей завещанию, к власти пришёл юный император Пётр II – внук Петра Великого, сын царевича Алексея Петровича и немецкой кронпринцессы[1] Шарлотты Кристины Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской …

Взошедший на Российский Престол по праву рождения, одиннадцатилетний отрок выглядел старше своего возраста, был он высокого роста, крепкого сложения, хорош собой, а царственной поступью и смекалкой походил на Петра I. Однако печать задумчивости редко сходила с его бледного благородного лица. Улыбался Пётр крайне редко. Но это, скорее, от одиночества и многочисленных детских душевных травм. Ребёнком он был замкнутым, тепло и непринуждённо общался лишь со старшей сестрой-погодкой Натальей. Между ними всегда были доверительные и тёплые отношения. По любому вопросу Пётр спрашивал совета у рассудительной царевны, прислушивался к её мнению, считая сестрицу более взрослой и мудрой. Со стороны казалось, что мальчик-император боялся расстаться с *«милой Наташенькой»* даже на миг. По уже начавшим проявляться чертам характера – вспыльчивости, своенравию, а порой и жестокости, Пётр II Алексеевич многим напоминал своего царственного деда. Важные новости и сведения он схватывал быстро, налету, не подавая вида. И, неожиданно для многих,

[1] Кронпринцесса (Kronprinzessin – *немецк.яз.*) – монархический титул по линии наследования Престола в Чехии, Пруссии, Германии, Дании, Швеции, Норвегии и др. странах. Наследная принцесса или принцесса (княжна, герцогиня) короны. Означает жену кронпринца, дочь короля, если она является прямой наследницей Престола. Обращение – Ваше Королевское Высочество. В России жену Царевича Алексея Петровича называли «Наталья Петровна».

принимал правильные решения. Юный монарх категорически не терпел ничьих возражений, часто приходил в ярость, хотя с приближенными мог быть милым и терпеливым, а нередко излишне щедрым.

Пётр II Алексеевич любил говорить высокопарно о русском народе, отмечая его лучшие черты среди прочих известных ему народов. Были у мальчика-царя и многочисленные пробные попытки серьёзных государственных поступков. Советуясь с наставником Остерманом и другими «Верховниками», чем он сможет облегчить судьбу простых людей, Пётр принял ряд необходимых законов[2]: отменил государственные пошлины, взыскиваемые с каждого воза при въезде в Москву, оттого именуемые «поворотным налогом»; освободил от налогообложения сибирских купцов, занимавшихся добычей и продажей драгоценной пушнины; снизил казённые сборы на экспортные товары в семь раз – с тридцати семи с половиной до пяти процентов. Все эти меры шли на пользу и развитие внутренней и внешней торговли России.

Спустя некоторое время, Пётр II от своего имени издал Высочайшие Указы о разработке рудных месторождений Сибири, об упорядочении перевода денег по вексельным платежам и простил налоговые недоимки крепостным крестьянам, а некоторых из них, в том числе уже сосланных на каторгу за неуплату налогов, освободил по амнистии.

Именно «маленький принц» ввёл запрет на публичное выставление расчленённых тел, казнённых «для устрашения». Упразднил Главный магистрат – орган городского управления, дублирующий полномочия губернаторов, на содержание которого тратились неоправданно крупные суммы из Государственной казны. Во время его правления была упразднена Малороссийская коллегия, и восстановлено гетманство в Малороссии.

На заседании Верховного Тайного Совета именно молодой монарх по совету наставников объявил:

– В Малой России ко удовольствию тамошнего народа Мы приняли решение постановить гетмана и прочую генеральную старшину во всём по содержанию пунктов, на которых сей народ в подданство Российской империи вступил! С упразднением Малороссийской коллегии отныне всеми делами в той части России будет теперь ведать Иностранная коллегия.

Вероятно, через определённое время из Петра II и смог бы получиться хороший Государь Император, кто знает?!

По мужской линии Романовых он являлся единственным прямым потомком Петра Великого. А по матери, немецкой кронпринцессе Шарлотте Брауншвейг-Вольфенбюттельской, чья старшая сестра была законной супругой императора Священной Римской империи Карла VI, так и вовсе – родным племянником Елизаветы Кристины, тридцать четвёртой императрицы, Королевы Германии, Чехии, Венгрии, Неаполя, Сардинии и Сицилии.

На момент смерти Екатерины I Российская империя всячески пыталась укрепить международные отношения со Священной Римской империей. Это близкое родство Петра Алексеевича при составлении Тестамента Всероссийской государыни во многом сыграло ведущую роль в её решающем выборе Наследника Престола и преемника Трона. Но, несмотря на столь знатное происхождение, мальчика с младенчества после смерти обоих родителей уничижительно называли … «щенком» …

Всем известна образная крылатая фраза знаменитого древнегреческого учёного – Архимеда: *«Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю!»* Спустя всего четыре месяца после того, как Пётр II стал Всероссийским Самодержцем, получив долгожданные рычаги государственной власти, этот юнец проявил характер и природный норов. На удивление он легко отправил в сибирскую ссылку главного имперского вора – князя Меншикова за то, что тот много льстил

[2] Согласно данным «Полного собрания законов Российской империи», в период правления Екатерины I Верховным Тайным Советом было принято 428 законодательных актов, а при Петре II – 438. Согласно Тестаменту императрицы, на время малолетства её преемника Совет получил более значительные полномочия как высший орган власти в управлении государством.

ему, а за спиной, игнорируя мнение членов Верховного Тайного Совета, своевольно издавал государственные Указы от лица юного императора и принимал за него важные решения, не удосужившись их обсудить!

И вот на *«русской сцене политического театра»* вновь сменились декорации: наступил крах карьеры светлейшего князя Меншикова, столь резко, по-предательски бесцеремонно устремившегося к полному захвату государственной власти.

Словно сам Пётр Великий, с Небес увидал и по своему обыкновению заслуженно щёлкнул по носу «зарвавшегося Алексашку», только теперь справедливой рукою маленького внука! Да так, что «всесильный» Александр Данилович потерял то, что нажил правдами и неправдами за свою жизнь под крылом у Государя. Но к тому же погубил почти всех, кого любил. Теперь князь Меншиков, лишённый всех титулов, званий и наград, числился государственным преступником и бесславно доживал свои последние дни в ссылке, в далёкой Тобольской провинции Сибирской губернии.

У молодого правителя Российской империи хватило силы воли и ума отстранить от дел недалекого и нерадивого, хвастливого карьериста и «паркетного генерал-фельдмаршала» Петра Сапегу, недолго занимавшего пост генерал-губернатора Северной столицы. После скорой отставки Ян Казимир Сапега отправился в Речь Посполитую, в своё имение в Радлине.

Уже в конце 1727 года Пётр II, вопреки интригам некоторых «Верховников», назначил третьим по счёту правителем Санкт-Петербурга сподвижника своего великого деда – искусного инженера и талантливого военного стратега Христофора Антоновича Миниха. А это напрямую означало, что детище Петра I – Северная столица, а также профессиональное, грамотное руководство фортификациями всей Российской империи были переданы в самые, что ни на есть надёжные руки, человеку с незаурядным умом, сильной волей и разносторонними глубокими познаниями в самых различных областях.

Страстно увлеченный своими дальновидными планами, Пётр Великий искал повсюду, в том числе и за рубежом, лучших специалистов для реализации грандиозных проектов. Недаром главным кредо монарха-реформатора был девиз «НЕБЫВАЛОЕ – БЫВАЕТ»[3], который он постоянно воплощал в жизнь личным примером. В начале Северной войны на тридцати гребных лодках две гвардейские роты семёновцев и преображенцев под руководством Петра I атаковали военные корабли неприятеля, пришедшие в составе военной эскадры на помощь крепости Ниеншанц. На суше грозную цитадель, построенную шведами в 1611 году при впадении реки Охты в Неву, чтобы контролировать Ижорскую землю, штурмовали войска под руководством генерал-фельдмаршала Шереметьева, в итоге вражеский гарнизон капитулировал. А на воде руководство боем взял на себя Пётр I Алексеевич, с мушкетом и гранатой одним из первых он оказался на вражеской палубе и вступил в рукопашный бой со шведскими военными моряками, доказав, что *«Небывалое бывает»!* Чтобы увековечить победу, дающую выход к Балтике, на радостях монарх повелел выбить сей девиз на золотых и серебряных медалях, которыми наградил всех оставшихся в живых офицеров и рядовых участников первого удачного морского сражения России в Великой Северной войне.

Пожалуй, что немец из Ольденбургского графства, Бурхард Христофор Миних, являлся самым подходящим из всех помощников императора. Чего он только ему ни поручал, ставя, казалось, невыполнимые задачи! Устройство верфей и доков под судостроение и ремонт флота, прокладку удобных для судоходства каналов в озерной, речной и болотистой местности близ

---

[3] В ночь с 6 на 7 мая 1703 года в устье реки Невы произошёл жестокий абордажный бой под руководством Петра I в чине капитан-бомбардира и Александра Меншикова в чине поручика гвардии. Под покровом темноты и дождевой завесы доблестные семёновцы и преображенцы, незаметно подойдя к 10-пушечному галиоту «Гедан» («Щука) и 8-пушечной шняве «Астрильд» («Звезда»), не имея артиллерии, захватили корабли противника, успевшие открыть стрельбу из всех своих орудий. *Эта дата – 18 мая по новому стилю считается днём рождения Балтийского флота России.* А девиз Петра Великого дожил до наших дней, трансформировавшись в известную фразу: «Невозможное – возможно!»

Санкт-Петербурга, связующих новый город на Балтийском море с Европой и центральными губерниями России. Оборудование специальных инженерных сооружений для защиты столицы от частых наводнений, возведение плотин, шлюзов и мостов. Эти и многие другие задачи были по плечу неутомимому, грамотному немецкому инженеру, имеющему, к слову сказать, ещё и большой армейский военный опыт на службе у нескольких европейских монархов.

Так уж по-особенному сложилась жизнь молодого человека крестьянского происхождения, что его прадед, дед и отец, получивший за заслуги дворянство, на протяжении десятилетий являлись главными гидростроителями, отвечающими за все водяные работы на родине. Прибавьте к природным талантам Миниха успешную учебу инженерному делу во Франции. А также – службу в Гессен-Кассельском корпусе[4], где Бурхард Христофор был произведён в майорский чин, внеся свой боевой вклад в победный результат военных походов под знамёнами выдающихся полководцев Священной Римской империи – принца Кариньяно Евгения Савойского и герцога Мальборо за освобождение Италии от французов.

В Нидерландах доблестный Миних участвовал во многих генеральных сражениях, осадах и взятии ключевых крепостей-городов. За проявленные личное мужество и умелое руководство несколькими армейскими подразделениями в период войны за Испанское наследство Миниха произвели в полковники. К 1716 году этот опытный военачальник вступил в службу к курфюрсту[5] Саксонскому и Польскому королю Августу, где по поручению правителя серьёзно занялся устройством его коронной гвардии. Причём, настолько успешно, что был повышен до генерал-майора.

Придворные интриги, в которых штаб-офицер участвовать не пожелал, заставили уже женатого Бурхарда Миниха искать себе и своей семье иной приют и иное отечество. Его выбор стоял между Карлом XII и Петром I. Но, получив известие о нелепой трагической смерти короля Швеции под стенами крепости Фридрихсгам, генерал-майор выбрал русского царя. Волею Судеб в Варшаве этот талантливый человек познакомился с российским послом, князем Григорием Долгоруковым, которому передал свою фундаментальную научную работу по фортификации с чертежами нового укрепления крепости Кронштадт, предназначенную Петру I Алексеевичу.

Конечно, строивший новое государство европейского типа, будущий император Пётр Великий сей грамотный, безупречный труд оценил высоко, не задумываясь, пригласил в ту пору тридцатисемилетнего Миниха с его семьей в Санкт-Петербург. И даже выдал ему патент[6], правда, годом вперёд на производство в чин генерал-лейтенанта. С этого момента, согласно подписанному контракту, талантливый немецкий военный инженер, крупнейший европейский специалист по гидравлическим работам, фортификации и обустройству армии, стал всецело принадлежать России! Выехав из Варшавы, он уже в феврале 1721 года оказался в прекрасном столичном городе на Неве, который стал преображаться теперь и под его руководством …

Христофор Антонович Бурхард, как называли его на русский манер, был высок ростом, весьма хорош собой, хоть и обладал непростым характером. Мог резко повысить голос не

---

[4] Гессен-Кассельский гусарский корпус – историческое воинское формирование, созданное в курфюршестве Гессен-Кассель в 1706 году и участвующее в войне за Испанское наследство на стороне Великобритании. Гусары носили желтые доломаны с серебряными шнурами, черные венгерские сапоги и высокие шапки.

[5] Курфюрст *(немецк. яз.)* – имперский князь, выборщик в Священной Римской империи, за которым с XIII века было закреплено право участвовать в выборах императора (короля). Таким образом, курфюрст Саксонии становился королём Польши, а курфюрст Ганновера – королём Великобритании.

[6] При Петре I (при Петре II не было), при Анне Иоанновне государи могли выдавать официальные грамоты (патенты), подтверждающие статус штаб-офицеров гвардейских полков, их соответствующие обязанности и право на чин. Патент фиксировал зачисление офицера в Лейб-гвардию и штат полка, подтверждал его право на получение жалования, а также ношение соответствующей формы и знаков различия. В отличие от производства в офицеры в сухопутных войсках, где патенты могли утверждаться вышестоящими командирами, начиная с чина майора гвардии и выше, каждое повышение по службе штаб-офицера жаловалось Высочайшим приказом императора или императрицы после рассмотрения и одобрения в Военной коллегии.

только на нерадивых подчинённых, но и на обласканных вниманием Петра царедворцев, которые отличились военными заслугами в Северной войне. Неоднократно ссорился с плохо образованным светлейшим князем Меншиковым, позавидовавшим однажды восторженным словам, сказанным монархом о Минихе Екатерине I.

– Ты знаешь, Катя, труды моего Миниха радуют меня и подкрепляют моё здоровье. Недалеко то время, когда мы с ним и с тобой сядем в шлюпку в Петербурге и выйдем на берег в Москве в Головинском саду …

Словом, у Христофора Миниха была непростая человеческая жизнь талантливейшего государственного деятеля, вынужденного лавировать между сильными мира сего, чтобы противостоять козням врагов. Хотя новый пост, на который назначили Миниха, на тот момент не являлся ни престижным, ни особо почётным! Ведь княжеское окружение молодого монарха и он сам предпочли вернуть столицу империи в Москву. Однако именно при Петре II Алексеевиче по итогам Больших маневров армии и флота близ села Красное и у крепости Кронштадт в 1729 году Миних получил должность главного командира над всеми местными войсками, имел право на производство в чины и переводы лиц, служивших под его началом[7].

Массовое бегство боярской аристократии из Северного Парадиза Христофор Миних не приветствовал, на отсутствие средств не жаловался. А, засучив рукава, занялся многочисленными реформами, в том числе и в армии.

Приступив к обязанностям и, практически не получая должного финансирования из казны, он активно занялся строительством каменных бастионов Петропавловской крепости, административного комплекса зданий Двенадцати коллегий на Васильевском острове, обустройством охранных крепостей Кронштадта и Выборга, продолжил строительство стратегически важного и безопасного для мореплавания Ладожского канала[8], задуманного Петром Великим ещё в 1719 году и призванного соединить Балтийское море в обход бурного Ладожского озера с Волгой, а позднее и с реками Волхов и Нева.

Начинаясь в Новой Ладоге и заканчиваясь в Шлиссельбурге, канал должен был стать важнейшей транспортной артерией для торговых судов. И хотя Петр Великий не дожил до завершения строительства Ладожского канала, имеющего стратегическое значение для государства, несмотря на отсутствие требуемых средств и, благодаря находчивости Миниха, дело государя не прекратилось.

Возведение нового Балтийского морского порта дало возможность России общаться с Европой и увеличить товарооборот. Из Кронштадта в Любек и Данциг начали ходить дополнительно к торговым судам почтовые и пассажирские пакетботы. Реализация грандиозного масштабного проекта Миниха имела огромное значение для экономики города и всего государства в целом.

Уже из Москвы быстро взрослеющий молодой император Пётр II пристально наблюдал за событиями, происходящими в Санкт-Петербурге. И пусть энергичный урождённый саксонец Миних не был сыном России, но уж точно *являлся одним из отцов*[9] и первых строителей новой

---

[7] В архивных фондах тех лет сохранился и рукописный документ о ходатайстве цесаревны Елизаветы Петровны к генерал-губернатору Санкт-Петербурга Бурхарду Христофору Миниху *«о каком-то преображенском подпоручике»*, имя которого было ею зашифровано, но со всей очевидностью являлось известным самому Миниху.

[8] Строительство Ладожского (Петровского Староладожского) канала под руководством Христофора Антоновича Миниха было завершено 22 октября 1730 года. Официальное открытие состоялось уже при императрице Анне Иоанновне 19 марта 1731 года. Но из-за неучтенных местных гидрологических особенностей в сентябре следующего года было принято Высочайшее решение – построить по краям канала шлюзы в Шлиссельбурге и Новой Ладоге. *(Примеч. автора).*

[9] *«Не будучи сыном России, он был одним из её отцов»* – слова Екатерины II о Бурхарде Минихе высечены на его памятнике, открытом в волости Луунья Тартуского уезда Эстонии 12 августа 2013 года. Стела из карельского гранита была передана Россией в дар Эстонской Республике. Надпись на памятнике выбита на четырёх языках: эстонском, русском, немецком и английском. Вновь хочется отметить искажённое толкование образа этого человека и в историографии советского периода, и в творчестве писателя Валентина Пикуля, исполнившего очередной идеологический заказ в романе «Слово и дело». Ибо неопровержимые документы ныне открытых исторических архивов свидетельствуют об обратном. Заслуги Бурхарда Миниха

Российской империи. Старания Миниха Пётр II оценил по заслугам, пожаловав ему в 1728 году сразу после коронации в Успенском соборе титул графа и назначив генерал-губернатором Санкт-Петербурга, Ингерманландии, Карелии и Финляндии.

Это назначение особенно расширило полномочия деятельного Христофора Антоновича, однажды сказавшего свою знаменитую фразу, которая стала широко известной, благодаря опубликованной книге воспоминаний его сына, дипломата и мемуариста Иоганна Эрнеста Миниха: *«Россия – это такая страна, которая напрямую управляется Богом, потому что, если это не так, непонятно, как она вообще существует*[10]*»*.

Возможно, ревнителям дела Петра Великого, со стороны наблюдавшим за событиями, было горько осознавать, что, перенеся столицу в Москву, родной внук их любимого Государя-реформатора буквально крушит своими действиями все политические достижения человека, положившего жизнь на алтарь служения Отечеству. *Замерли и повисли в воздухе грандиозные планы основателя Российской империи. Будто вовсе уже и некому было исполнять поставленные им задачи!*

Но всё-таки не стоит забывать, что речь идёт не только *о драматической судьбе ребёнка*, *не успевшего повзрослеть и рано умершего из-за смертельной болезни.* А, в основном, – *о реальных врагах России*, злодеях, осознанно и постоянно мешающих её процветанию; *о борьбе за власть боярских кланов*. И *о многочисленных стяжателях*, казнокрадах, коих в государстве Российском было и есть немало. Именно их усилиями в 1729 году был ликвидирован такой нужный карательный орган, как Преображенский приказ, хоть как-то следивший за порядком в государстве и пресекавший взяточничество и преступность.

После Петра Великого и смены власти на Российском Престоле в стране происходило разрушение созданной прогрессивным императором системы управления. Было резко сокращено финансирование флота, что привело к резкому сокращению строительства новых кораблей. Постепенно упразднялись и некоторые важные органы власти, а система местного самоуправления возвращалась к Воеводскому руководству, как это было заведено в Русском Царстве.

Основная вина и ответственность за это, в большей мере ложится не на Петра II, а на его опекунов, в лице обновлённого, действующего уже в Москве второго состава Верховного Тайного Совета[11].

«Верховниками» являлись: князья Василий Лукич, Иван Алексеевич, Василий Владимирович и Алексей Григорьевич Долгоруковы; князья Дмитрий и Михаил Михайловичи Голицыны; канцлер Российской империи, президент Иностранной коллегии граф Гавриил Иванович Головкин и вице-канцлер, начальник над почтами, президент Коммерц-коллегии барон Андрей Иванович Остерман. Именно при этих временщиках, в большинстве заботящихся о собственном обогащении, стремительно пустела казна, и ухудшалось экономическое положение страны.

Налоговые поступления сокращались, а расходы на содержание Двора и боярской знати росли. Торговля испытывала серьёзные трудности из-за административной неразберихи. Особенно заметными в статье расходов стали затраты на организацию многочисленных охотничьих забав и увеселений молодого императора, которыми его завлекали в своё подмосковное имение Горенки хитрецы князья Долгоруковы. А уж о выделенных баснословных средствах на

перед Отечеством достоверно, без прикрас и авторской фантазии отмечены в романе Людмилы Лазебной «Кавалергардъ». *(Примеч. лит. ред.)*

[10] Во время встречи с участниками Всемирного фестиваля молодёжи в марте 2024 года в Сочи («Сириус»), Президент Российской Федерации Владимир Путин процитировал афоризм фельдмаршала Миниха, отметив, что согласен с первой частью высказывания. И дополнил его своими словами: *«Уже мой опыт работы в той должности, в которой я нахожусь сегодня, подсказывает, что Россия существует благодаря русскому и другим народам, населяющим эту территорию». (Примеч. лит. ред.)*

[11] Граф Фёдор Апраксин умер в ноябре 1728 года.

переезд Российского Престола из Петербурга в Москву и коронацию Петра II Алексеевича и говорить не приходится.

Ещё осенью тысяча семьсот двадцать седьмого года в лучшей придворной мастерской Санкт-Петербурга под руководством золотых дел мастера Самсона Ларионова восемь мастеров трудились над изготовлением главной российской императорской регалии. Коронационный венец на царство для молодого Петра II, с одной стороны, был создан по образцу венца Екатерины I. Но по красоте и авторским придумкам российских ювелиров его превзошёл, в том числе, и стоимостью. Корону «маленького принца» оформили не только бриллиантами и жемчугом, но и цветными драгоценными камнями отменного качества: изумрудами, сапфирами и «лалами»[12]. Навершие короны украшал редчайший гранёный самородок в бриллиантовой инкрустации по всему краю – крупный «лал» стоимостью в шестьдесят тысяч рублей. Над этим великолепным чудом природы и произведением ювелирного искусства возвышался крест из девяти «четвероугольных греческих алмазов» …

А вот войска в Российской империи того времени финансировались крайне плохо, что наводило на мысль о полном упадке некогда дисциплинированных и славных петровских полков. Отправленный в ссылку Меншиковым, лишённый всех чинов бывший командир Лейб-гвардии Преображенского полка доблестный Иван Иванович Бутурлин по-прежнему жил в своей Владимирской вотчине, сельце Крутец. С воцарением Петра II участь генерала Бутурлина ещё более усугубилась. У него были отобраны все поместья, жалованные Петром Великим и Екатериной I.

С подобными «выскочками» из окружения своего деда августейший внук поступал одинаково безжалостно, нисколько не ценя их заслуги перед Отечеством. Подполковник граф Салтыков Семён Андреевич, назначенный на его место мальчиком-царём, недолго руководил гвардейцами. Уже в феврале 1728 года полковник Салтыков был заменён генерал-фельдмаршалом Василием Владимировичем Долгоруковым, вошедшим вскоре в Верховный Тайный Совет.

Влиятельные родственники пожелали отозвать князя Василия Долгорукова с Кавказа в Москву, чтобы после коронации юного императора иметь под рукой близкого человека, известного большим влиянием в войсках. Два года, успешно командуя относительно небольшим армейским экспедиционным корпусом, генерал Долгоруков успешно завершил короткую локальную войну против персов. Преображенцы в Санкт-Петербурге и Москве его новое назначение приветствовали с большой надеждой. Они по-прежнему исполняли свои воинские обязанности старательно, заботясь об упрочении величия и славы России, однако разрушения, происходившие в армии и на флоте, да и в целом в государстве, переживали глубоко и ревностно, ожидая лучших времён. Сам же князь Василий Долгоруков, к его чести, служил интересам державы, а не своему в те годы непопулярному в России родовому клану[13], чем и отличался от ближайших родственников.

---

[12] Лалы – устаревшее собирательное название для редки драгоценных камней алого цвета, включая красные шпинели и турмалины (рубеллиты), гранаты (пиропы, альмандины, спессартины) и рубины. Название «лал» настолько древнее, что уже сложно прояснить истоки его происхождения. На языках хинди и фарси «лал» означал «красный или рубиновый цвет». В Русском Царстве и Российской империи, начиная с XIII века и вплоть до конца XVIII столетия, название «лал» или «лалл» заменяло все алые камни, пока не вошли в употребление современные названия ювелирных драгоценных камней.

[13] Многочисленный род «Долгоруких» являлся мощной ветвью черниговских Рюриковичей из рода князей Оболенских. В XV столетии его основал Иван Андреевич Оболенский, который получил прозвище «Долгорукий» из-за непомерно длинных рук в сравнении с его телом. Есть ещё одна историческая гипотеза, что благодаря своим связям и присущей паталогической мстительности натуры, этот князь мог «дотянуться» до любого из своих врагов и наказать его. Прозвище «Долгорукий» приклеилось прочно не только к князю Оболенскому, но и к его потомкам, со временем превратившись в фамилию «Долгоруковы», что уже было распространено в XVIII веке. Приблизившись к верхнему эшелону власти при Петре Великом, уже при его внуке Петре II Алексеевиче Долгоруковы вошли в Верховный Тайный Совет, достигнув вершины своего влияния. Но главное, что сын князя Алексея Григорьевича Долгорукова – кутила и развратник Иван стал фаворитом юного монарха. Отстранив Петра II от ближайшей родни, опытных учителей и наставников, а, главное, – от государственных дел, Долгоруковы попытались захватить трон через брак государя и старшей дочери Екатерины Алексеевны Долгоруковой. Но попытка стать во второй раз царской семьёй Долгоруковым не удалась, как будто сама Судьба вмешалась в их замысел, чтобы помешать

Вся внешняя политика государства на дипломатическом фронте велась под присмотром умного политика Остермана с нарочитой пассивностью и придерживалась ранее подписанных условий Ништадтского мира со Шведским королевством и Венского договора с императором Священной Римской империи Карлом VI.

Однако обывателям, как всегда, не жилось спокойно. По Северной столице чёрными, извивающимися змеями расползались в разные стороны всякие неприглядные слухи. Вплоть до того, что ещё в младенчестве царевича Петра … подменили англичане, давно мечтающие ослабить Российский императорский флот.

Сохранялась напряженность в отношениях с Османской империей, но открытых конфликтов, слава богу, удавалось избегать. Отношения с Китаем регулировались Кяхтинским договором[14], подписанным уже при Петре II после кончины Екатерины I осенью тысяча семьсот двадцать седьмого года.

Поддерживались дипломатические отношения с европейскими державами, но внешнеполитических инициатив Россия совершенно не проявляла, ориентируясь на Венский договор, заключённый с Австрией в 1726 году. Из-за такого союза у империи были ненадёжные политические отношения с Францией и Англией, натянутость и недопонимание со Швецией, которая вновь приступила к подготовке плана вторжения в Российскую империю. Но лишь общение с послами, наглядно убедившимися в силе Русской армии, привело к тому, что в годы правления Петра II шведы сменили гнев на милость, их желание реванша вдруг превратилось в стремление к прочной дружбе с русскими.

Вскоре начали заметно ухудшаться отношения с Польшей. Корнем затянувшегося территориального конфликта из-за Курляндии, которую поляки продолжали считать своей провинцией, явился категорический отказ правящей там герцогини Анны Иоанновны на династический брак с внебрачным сыном Польского короля Августа II – Морицем Саксонским. Подобный отказ на замужество с ним официально поступил и от Цесаревны Елизаветы Петровны. «Польский вопрос» пока висел в воздухе, продолжая оставаться открытым, ибо для Российской империи было стратегически важно контролировать территорию Курляндии.

Испания, мечтавшая о бурном развитии морской торговли с богатой Россией и оформившая уже многочисленные контракты на поставку своих товаров, превосходно понимала, что перенос столицы в Москву может поставить крест на развитии русского судостроения.

Многие иностранные дипломаты ведущих европейских держав ломали голову, стоит ли им тотчас последовать вместе с российскими придворными, армией чиновников всяких рангов во главе с юным Самодержцем в Москву или переждать в Санкт-Петербурге, пока не наступят более благоприятные времена, чтобы строить государственную политику в отношениях с Россией[15].

коварным планам. *(Примеч. лит.ред.)*

[14] Кяхта – в то время торговая слобода, центр международной торговли близ Ново-Троицкой крепости, где формировались караваны, следовавшие по Великому Чайному пути через Монголию в Россию и далее в Европу а ныне городской районный центр в Республике Бурятия. Буринский трактат и Кяхтинский договор обсуждались несколько лет, так как регулировали линию границы между Российской империей и империей правящей Китаем Маньчжурской династии Цин, которая имела виды на присоединение к себе территорий Сибири, вплоть до Тобольска. Подписанные дипломатические Соглашения включали в себя официальное урегулирование демаркационной линии границы, а также важные экономические и политические аспекты взаимодействия двух держав в Восточно-Азиатском регионе. Дипломатическая договоренность дала возможность России вести беспошлинную торговлю и регулярно ввозить в Пекин транспортные караваны с российскими товарами. Важным достижением Уполномоченного российского посла С.Л. Рагузинского-Владиславовича, подписавшего Кяхтинский договор 21 октября 1727 года уже от имени молодого императора Петра II, в том числе было юридически закреплённое право пребывания в столице Поднебесной Русской Православной духовной миссии, на территории которой и по сей день находится Посольство России в КНР.

[15] Сам факт, что Российская империя становилась сильным государством, многими европейскими политиками долгое время воспринимался как явление временное и даже чужеродное. Императорский титул Петра Великого и Екатерины I при их жизни признали Пруссия, Голландия, Дания и Швеция. Однако Швеция отказывалась делать это применительно к Петру II и Анне Иоанновне. Турция признала Россию империей в 1739 году. Австрия – в 1742. Франция – в 1744. Испания – в 1759.

Жители Северной столицы всё чаще повторяли и передавали друг другу шёпотом, оказавшуюся пророческой зловещую фразу-проклятие любимому городу Петра I, сказанную в сердцах и от обиды его первой женой – царицей Евдокией, в девичестве Лопухиной. Изгнанная незаконно с Российского Престола государыня никогда не разделяла политических и социальных реформ своего неверного, но некогда горячо любимого мужа. С царём Петром она восемь лет прожила в законном браке, родив ему сыновей. При этом венчанного супруга Петра называла в письмах ласково и нежно: то «батюшкой», то «лапушкой». Всегда неистово ревновала его к фавориткам. Никогда не соглашалась добровольно принять монашеский постриг, желая лично заботиться о детях. Мучилась, душевно терзалась от женской тоски, пока не полюбила вновь …

В свете хорошо помнили, как поначалу Евдокия Фёдоровна возненавидела супруга за неоправданную жестокость и отсутствие сострадания к её несправедливой доле. Царевич Александр умер во младенчестве, а царевич Алексей – в возрасте двадцати восьми лет был замучен в казематах Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Уезжая в Москву, выпущенная из Шлиссельбургского заточения бабушка юного императора Петра II, гордо, с царственным достоинством оглянувшись, изрекла во всеуслышание своим тюремщикам и освободителям, рядом стоявшим с потупленными взорами:

– По Божией воле Питербурху пусту быти![16]

… Воспитанной в патриархальных русских традициях, православной пятидесяти шестилетней женщине всё было чуждо в этом городе: его помпезные дворцы, и улицы, выстроенные на западный манер, и неестественно напудренные парики, и одежда его жителей, сшитая по европейской моде. Сама Евдокия Фёдоровна по-прежнему ходила с покрытой головой и носила исконное русское платье, как и подобало настоящей Царице Всея Руси, что вызывало к ней у многих уважение за постоянство. Она всё ещё сохраняла живой блеск в глазах, приобретя мудрость и стойкость духа за *тридцать лет заключения*. Чтобы стать достойным примером внукам, Евдокия была вынуждена укротить злобу в сердце и научиться смиренно принимать испытания, посланные Богом. Когда ей предложили принять в дар все конфискованные имения князя Меншикова, она решительно отказалась.

«Я получила свободу от родного внука-императора. И оттого испытала самое большое счастье, о котором только может мечтать человек. Это для меня самая дорогая награда, дороже всего на свете», – сказала она …

Действительно, после её отъезда в Москву территория, где был заложен Санкт-Петербург, намного чаще прежнего стала страдать от наводнений и разливов рек. Уровень воды порой поднимался от двух до семи с половиной метров. Однако подобные, случавшиеся и прежде природные катаклизмы самого Петра Великого в своё время не остановили. Его детище – Северная столица, была стратегически важным городом в истории Российской империи.

Кого происходившие городские разрушения стихией и *«утраты возвышенной тонкости в обществе»* совершенно не интересовали, так это самого Петра II Алексеевича. По сути, он был всё ещё ребёнком, к тому же рано осиротевшим. Ни старшая сестра-погодка Наталья, ни сам «маленький принц» Пётр за их короткое детство так и не познали нежной родительской ласки, чуткой заботы и доброты со стороны близких родных. Даже родной дед Пётр I относился, к детям старшего «сына-предателя», как к сорнякам, помня и о нелюбимой невестке, не имевшей желания ни язык русский выучить, ни православную веру принять.

Речь Посполитая – в 1764 году. *(Примеч. лит. ред.)*

[16] Некоторые суеверные люди считали, что проклятие Лопухиной городу на Неве сработало и в советское время, когда 12 марта 1918 года правительство Ленина перенесло столицу из Петрограда в Москву в виду угрозы войны с Германией. И в годы Великой Отечественной войны, в период блокады Ленинграда, унесшей более миллиона жизней. Но это неверные умозаключения. Прожив трагическую жизнь, полную горестных потерь и испытаний, набожная русская царица Евдокия Фёдоровна всех простила, и душа её упокоилась с миром. *(Примеч. лит. ред.)*

Неожиданно вскоре после объявления его Всероссийским императором, Пётр II проявил свой норов. Объявив Высочайшее решение о переносе Престола в Москву, молодой царь повелел «Верховникам» оповестить всех граждан империи, что *«под страхом нещадного наказания кнутом монарх запретил зачинать любые разговоры о возвращении столицы в Питербурх!»*.

Подготовка к поездке на коронацию заняла несколько недель. Петра не смутило предстоящее, довольно продолжительное путешествие по занесённому снегом, еле заметному тракту в самое студёное время года. Ибо он знал, что весной или летом во время половодья или наводнений из-за долгих дождей и разливов многочисленных рек подобные передвижения по бездорожью могут стать ещё более утомительными. Путь был долгий ... В основном, на санях и в утеплённых зимних каретах, запряжённых разным количеством лошадей, в зависимости от ранга и дохода придворных, дипломатов, чинов военных, госслужащих, духовенства и мастеровых людей.

Утром 9 января 1728 года в Санкт-Петербурге были произведены выстрелы практически изо всех стволов крепостных артиллерийских орудий. Громкие залпы пушечного салюта ознаменовали начало царского путешествия. Кортеж Петра II отправился сначала в Великий Новгород – в древний город, где началась история Рюриковичей. Прибыли туда всем Двором уже через два дня пути. На левом берегу реки Волхова, на Софийской стороне, в самом старом каменном храме России – Софийском соборе на территории мощного кирпичного Кремля Петра II торжественно встретил новгородский архиепископ Феофан Прокопович. Радостно гудели и пели колокола святыни, народ ликовал и славил внука Петра Великого – императора Всея Руси! Во время встречи архиепископ Феофан обратился к Всероссийскому Самодержцу с трогательной речью, завершившейся пожеланием:

– Тебе же, царь царей, да подаст жити и царствовати на многие лета!..

Высокопреосвященнейший Владыка сообщил императору, что самолично проведёт ритуал его коронации в Успенском соборе, где полным ходом шла подготовка к церемонии. Пользуясь добрым расположением юного императора, архиепископ попросил въехать в Москву через построенные в его честь Воскресенские синодальные триумфальные ворота, пообещав встретить государя лично со всем Синодом и прибывающими в Москву архиереями и другими духовными лицами из ближайших к Первопрестольной городов …

– Я часто и много думаю о предстоящей коронации, – признался Владыке Феофану монарх-отрок, – искренне молюсь перед таинством Божественного посвящения, день и ночь благодарю Всевышнего за все его дары и обещаю стать лучшим из русских царей …

Юный Петр II, действительно, свято и благостно верил в своё особое Божественное предназначение для России. Поэтому предстоящая торжественная и пышная церемония коронации с вручением главных символических регалий царской власти для молодого государя была в его жизни главной вершиной и знаковым событием, завершающим сам факт его воцарения на Российском Престоле. Ибо, как записано в Воинском Уставе государства, народу должно повиноваться тому, в чьих руках скипетр и держава, потому как им уже *«Сам Бог повелевает!»* …

Выехав из Новгорода в Тверь, мальчик-царь неожиданно простудился в дороге. Пришлось две недели провести в тверской лечебнице, где докторам удалось поставить августейшего юношу на ноги. В эти дни сестра Наташа и тётушка Елизавета по очереди, а то и вместе дежурили у постели Петра, пока император не смог вновь продолжить путь …

Жители городов и деревень, многочисленные священнослужители со святыми чудотворными иконами в руках, выстроившись вдоль дороги ликующей разношёрстной толпой, ждали, приветствуя, царский обоз, который состоял из сотен повозок. Каждый из передвижных императорских апартаментов (отдельные комфортабельные вагончики с печками для спальни, для занятий государственными делами, а также оборудованные под столовую, гардеробную, походную кухню, баню и проч.) вёз конный «шестерик» из двух вороных троек. Чуть позади карет монарха в специальных утеплённых повозках везли его любимых охотничьих собак и прочие

«нужные предметы». Отдельно следовал багаж из многочисленных сундуков с вещами, за ним несколько десятков тяжёлых закрытых повозок с продовольственным запасом, вином и питьевой водой. Персонально были назначены ответственные для снаряжения повозок, куда складывались добротные шатры и палатки для знатных особ и их сопровождавшего охранного войска.

Императорский кортеж делал остановки через каждые двадцать пять-тридцать вёрст в подготовленных деревянных «путевых государевых дворах», либо в домах богатых купцов и монастырях. Этот царский поезд вёз многочисленный скарб, необходимый для комфортного обустройства стоянок по ходу следования. Прислуга захватила в дорогу даже кирпичи и дрова для печек, посуду, кухонную утварь и котлы для приготовления пищи, ковры и походную мебель.

Отборные императорские гвардейцы из Лейб-регимента, Преображенского полка и Кавалергардской роты везли с собой лёгкую артиллерию, оружие для охраны монарха, знамёна, императорские штандарты и знаки отличия царской власти.

Обозы, предназначенные для сестры и любимой тётушки императора, а также их личных Дворов, насчитывали по двадцать повозок. Государственная казна по распоряжению монарха взяла на себя все необходимые транспортные расходы и по переезду других представительниц Царствующего Дома Романовых, выделив по два десятка повозок для царевны Екатерины Иоанновны и царевны Прасковьи Иоанновны, которым как родственникам Петра II было предписано вернуться из Санкт-Петербурга в Москву. Щедрый отрок-царь сохранил за ними родовое поместье Измайлово. А для проживания Двора царицы Прасковьи Иоанновны в Москве пожаловал дом, конфискованный у Меншикова после отправки в ссылку. Здание, расположенное у Мясницких ворот, было хорошо известно благодаря церкви Архангела Гавриила, которую с чьей-то лёгкой руки народ прозвал «Меншиковой башней». Для её высочества Екатерины Иоанновны была уже подготовлена Высочайше пожалованная резиденция у Боровицких ворот Кремля.

Обе дочери Иоанна V, возвращаясь в Москву, сильно переживали за свою дальнейшую судьбу, которая вдруг обернулась для них самым благосклонным образом и, наконец, подарила им счастье и материальное процветание. Вскоре младшая Прасковья выйдет замуж за доблестного генерал-лейтенанта Ивана Дмитриева-Мамонова из благородного рода смоленских Рюриковичей …

***

Глядя в застеклённое окошко своей комфортабельной кареты, покачиваясь в мягком кожаном кресле, юный монарх искренне радовался, что без сожаления покинул ненавистный ему «Северный Парадиз» – Санкт-Петербург, где он родился и буквально с пелёнок познал много горя и слёз.

Он ехал на коронацию с решительной мыслью – остаться в Москве навсегда и жить в «старой столице, как до недавних пор жили русские государи». Он много думал о своём детстве, о несправедливости со стороны его покойного деда – императора Петра Великого, об отсутствии родительской заботы, внимания, любви и ласки …

Главной же несправедливостью для Петра II Алексеевича было неприглядное и навязчивое стремление более сильных мира сего управлять *(!) им самим*, словно марионеткой! Это чувство неприятия уже относилось ко многим из «Верховников», в исключение, пожалуй, *пока* попадали учитель обер-камергер Остерман, воспитатель и педагог граф Лёвенвольде[17] и неко-

[17] Рейнгольд Густав Лёвенвольде (1693-1758), один из троих сыновей-дипломатов подвижника Петра Великого – Герхарда Иоганна Лёвенвольде, умершего в 1721 году, но давшего каждому из братьев прекрасное образование. Рейнгольд Густав начинал службу при Петре I как камер-юнкер при Дворе его невестки, супруги Царевича Алексея кронпринцессы Софии-Шарлотты. С 1725 года являлся фаворитом Екатерины I. Вместе с братьями возведён в 1726 году в графское достоинство. Пожалован Высочайше орденом Святого Александра Невского. В марте 1727 года награждён портретом императрицы для

торые из князей Долгоруковых … Юного императора радовало внимание и послушание любимой тётушки Елизаветы Петровны, к которой он с детских лет испытывал самые нежные и добрые чувства. «Ах, как же славно, что и Лизхен едет со мной в Москву! Как нам будет всем хорошо и вольготно там! – улыбаясь своим мыслям, Пётр чувствовал, как дремота, смежившая отяжелевшие веки, притупляет его сознание и всё его существо проваливается в сладкую негу сна…

Увы, Елизавете Петровне переезд в первопрестольную доставил много хлопот. Как она и предполагала, в объявленную на переезд сумму транспортных расходов из государственной казны, она не уложилась. Однако Цесаревна не роптала. Кроме выделенных двадцати повозок, у неё для дальних походов была ещё своя любимая тёплая и уютная карета. Красивый роскошный возок на деревянных полозьях, обитый изнутри тёплыми заморскими коврами, пол которого был устлан мягкой выделки шкурой медведя, катился по снежному насту легко и быстро. Ещё бы! Ведь путь перед ним был уже проторен многочисленными повозками юного Петра II и сестры его Натальи, членов Верховного Тайного Совета с учителем Остерманом во главе, князьями Долгоруковыми, ставшими после свержения Меншикова главными фаворитами юного императора … Следом, тащился весь Сенат, коллегии, гвардейские офицеры и прочая, и прочая …

В модной гостевой карете Елизаветы Петровны было уютно и тепло. Компанию в дальней дороге ей чаще всех с удовольствием составляла княжна Анна Алексеевна Долгорукова, девушка весёлая и смешливая, что больше всего в ней нравилось Елизавете.

Цесаревна с удовольствием общалась и с часто навещавшей её кортеж десятилетней двоюродной племянницей. Спокойная и тихая от природы девочка была дочкой бывшей царевны, а ныне герцогини Екатерины Иоанновны и герцога Карла Леопольда Мекленбург-Шверинского. Принцесса Катарина[18], родная внучка Иоанна V, единокровного брата Петра Великого, следовала в Москву вместе с матерью, давно сбежавшей от мужа тирана. По родству Елизавета Петровна приходилась юной Катарине Леопольдовне двоюродной тёткой, но малышка неизменно называла её «сестрицей» и во время остановок приглашала жизнерадостную девушку, любившую зимние забавы, поиграть в снежки или слепить снежную бабу. После прогулок и весёлых игр они непринуждённо болтали в карете у Цесаревны и пили чай со сладким пирогом с начинкой из толчёной клюквы с сахаром. И в ту пору обе наследные принцессы даже не подозревали, как сложно и драматично в будущем переплетутся их судьбы!

…Во время остановок устраивались и походные парные бани. Чудесным образом изготовленный санный вагончик, изнутри обшитый липовыми досками, пахнувшими мёдом, зимой был незаменим в дальних путешествиях, когда на дорогах лежал прочный, утрамбованный наст из снега и тонкого ледка. Передвижная баня, тщательно продуманная и воссозданная по эскизам императора Петра Великого для жены и дочерей, нередко сопровождавших его в поездках, каждый раз напоминала Елизавете об отце и его умелых руках. Лишняя банная влага вместе с клубами пара выходила в небольшое распахнутое окошко и через незаметные отверстия в

ношения на шее и вместе с бароном Остерманом назначен ею воспитателем Великого Князя Петра Алексеевича (будущего императора Петра II). Являлся влиятельным придворным во время правления Анны Иоанновны, вместе с братом, дипломатом Карлом Густавом Лёвенвольде принимал участие в её воцарении. Пользовался доверием и расположением регентши Анны Леопольдовны при императоре Иване VI. Недаром его называли «серым кардиналом» Российской империи. Будет упомянут в романе «Кавалергардъ» как историческая персона вместе с братом Карлом Густавом, ставшим основателем Измайловского Лейб-гвардии полка, дипломатическим представителем Российской империи в Вене, Берлине и Речи Посполитой, ещё не раз. Причем, в Варшаве он сменил на этом посту своего брата, генерала от кавалерии имперской службы Фридриха Казимира Лёвенвольде, исполняющего обязанности русского посла в Речи Посполитой с 1731 по 1733 годы. (Примеч. лит. ред.)

[18] Урожденная принцесса Елизавета Катарина Кристина Мекленбург-Шверинская (1718-1746), по мужу герцогиня Брауншвейг-Вольфенбюттельская, внучатая племянница Петра I Алексеевича, в 1730 году примет православие и станет Анной Леопольдовной, будет жить при дворе императрицы Анны Иоанновны. С октября 1740 по декабрь 1741 годов, согласно Духовному Завещанию своей августейшей тетки примет титул Правительницы-регентши Российской империи при своём малолетнем сыне императоре Иване VI. (Примеч. лит. ред.)

дубовом полу, делая помещение проветриваемым и в меру сухим. Но главной идеей Петра, которая применялась и в стационарных дворцовых банях, являлось использование крупных пушечных ядер, которые пирамидкой были выложены у печки вместо банных камней и быстро нагревались. А уж если плеснуть кипятком, парок от них исходил знатный …

Тут же под озорной смех, густой пар и весёлое похлёстывание березовыми и дубовыми вениками по молодым девичьим телам неустанно обсуждались новости и дворцовые сплетни с сёстрами-погодками Долгоруковыми – Анной, Катериной и Еленой. Само собою так случилось, что вместе с молодым князем Иваном Алексеевичем, Петром II и его сестрой Натальей, эти девушки являлись постоянными участницами всех светских развлечений и празднеств, которые придумывала и устраивала непоседа Елизавета в Санкт-Петербурге, а теперь, во время путешествия в Москву.

Светской молодёжи, ехавшей с комфортом, эта поездка казалась забавным приключением. Юные прелестницы, наряженные в собольи и куньи шубки, модные меховые шапки, шёлковые чулки, надетые поверх более тёплых, шерстяных, щеголяли друг перед другом в пушистых муфтах и расшитых цветными узорами катаных сапожках-валенках из овечьей шерсти. На каждой, пусть даже короткой остановке они выбегали на мороз из своих натопленных вагончиков и веселились, приветствуя друг друга.

У путешествующей не в первый раз Елизаветы всё было продумано для сохранения тепла в зимней дороге. Отдельно были припасены и суконные сапожки на собольем меху, но Цесаревна предпочитала мягкие и тёплые валенки, полюбившиеся ей с детства, когда ещё покойный батюшка брал их с сестрицей Анной и покойной матушкой кататься в санях по зимнему Санкт-Петербургу. Эту любовь к уютной национальной обуви она сохранит на всю жизнь.

Проторенная дорога из старинного русского городка Клина вела в известное своим богатым монастырским прошлым сказочно великолепное и ныне снежное село Всехсвятское, расположенное на севере от Москвы. Когда-то, давным-давно по легенде в здешнем деревянном храме проходил VII Вселенский Собор святых отцов, а теперь проживали в уединении святые старцы, ведавшие многие ответы на вопросы, волнующие людей. Елизавета Петровна, знавшая об этом, поставила себе целью непременно посетить одного из мудрецов-отшельников, чтобы расспросить о своём будущем …

Длинная конная процессия частично остановилась на последнюю остановку на местном путевом дворе, располагавшемся вдоль леса. Разумеется, что в скромных постройках места всем не хватило. И многие из придворных и свиты монарха приняли решение разбить лагерь неподалеку от замёрзших речек Ходынки и Таракановки, чтобы пополнить запасы питьевой воды.

Тот час же забегала прислуга, свои места заняли гвардейцы, окружив повозки юного императора, близких его родственников и важных персон. Офицеры и гвардейцы царского Лейб-регимента и Кавалергардской роты, казалось, не чувствовали ни усталости, ни голода, ни холода, так бодро разъезжали они по периметру и занимали предписанные командирами позиции. С интересом глядя на статных и бравых офицеров, Елизавета Петровна и княжна Анна Алексеевна, младшая из сестёр царского камергера Ивана Долгорукова, вышли из повозки, опершись на крепкую руку телохранителя Цесаревны поручика Лебедева.

– Ой! Какой снежок пушистый! – нарочито громко воскликнула Елизавета, по привычке привлекая к себе мужское внимание молодых офицеров. – Смотрите-ка, а во-о-он белка! – указала она на рыжее существо, сидевшее на нижней ветке могучей сосны.

Белка тут же шустро повернула к ним свою маленькую головку, с забавными кисточками на ушах будто поняв, что говорят именно о ней … Соскочив на снег, юркий пушистый зверёк в оранжевой шубке пробежал до соседней сосны и ловко забрался на середину ствола, картинно свернув свой роскошный хвостик.

– Какая хорошенькая! – весело рассмеялась и, захлопав в ладоши, радостно по-детски добавила Анна. – Вот бы погладить её! Такая милая! А хвостик-то, хвостик каков! – запрыгала она на месте, оглядываясь на Елизавету и ища у неё поддержки.

– А, что, Лебедь, поймаешь нам белку? – вальяжно повернув голову, спросила Елизавета и величественно взглянула на своего телохранителя.

– Как прикажете, Ваше Высочество! Можем и белку изловить. Да ведь только она дикая! А лесной зверь, хоть и мал, в руки по доброй воле не дастся, будет драться и кусаться, кричать опять же … Надо ли, чтоб кому из вас тонкие нежные пальчики прокусил? Белка-то, она, как крыса, и вовсе палец откусить может. На то он и зверёк лесной ...

– А я хочу, хочу … Хочу погладить … Вели, Лиза, пускай словит нам эту белку поскорей! – надув губки, капризно захныкала Анна, повернувшись к Елизавете Петровне.

– Хорошо, Тимофей – свет Филиппыч! – даже не взглянув на подругу, сказала Елизавета с напускной скромностью, – не надо нам её! Пусть скачет по лесу со своими сёстрами! – так же спокойно промолвила она, взглянув прямо в глаза кавалергарду.

– Ух! – обиженно скривившись, Анна топнула ножкой и отвернулась …

– А ты, Аннушка, сходи-ка до своих пока, проведай. Вон их повозки, видишь? – обратилась к расстроенной княжне Елизавета, – до следующей остановки ты с ними поезжай. А как позову, вернёшься. – Неожиданно распорядилась она, тут же весело по-доброму обняв подружку.

Анне ничего не оставалось, как послушаться и направиться по протоптанной снежной тропинке к повозкам своей семьи мимо собранных уже слугами печей и расставленных раскладных кресел, накрытых пёстрыми шерстяными коврами и широкими лисьими шубами.

– Послушай-ка, Лебедь, давай прогуляемся тут вдоль леса? Предложила Елизавета. – Не замёрз ты верхом-то на коне? Смотрю, нос у тебя, как клюв, совсем красный стал …

– Никак нет, Ваше Высочество! Не положено нам мёрзнуть! Хотя, у огонька бы погреться не мешало! Ну, или горячего чего испить …

– А ребята-гвардейцы вон уж и костёр развели, пойдем к ним, там и погреешься. – Не отставала Цесаревна. – У меня тайное дело к тебе имеется. Хочу поговорить наедине.

– Как изволите, Ваше Высочество! Я весь к Вашим услугам!

– Тогда пойдем, пройдёмся и поговорим … – Елизавета молча показала рукой в сторону поляны, где гвардейцы установили шатры и развели костры.

– Вы лучше вот тут, по протоптанной дорожке идите, Ваше Высочество, а то снег высокий, попадёт вдруг в сапожки, чулки намокнут … – сказал Тимофей, заботясь о юной принцессе, будто о своей младшей сестре.

– А вот и не попадёт, не засыплю! У меня валенки, вот, смотри, какие, и на ноге они тютелька в тютельку из-за шерстяных чулок! И как эти чулки только носят?! Все ноги мне искололи, теперь вот всё зудит и чешется! – просто и доверчиво сказала Елизавета.

– Когда такой холод, так уж лучше потерпеть, а раз чешется, то взял, да и почесал. Оно никем не воспрещается, когда никто чужой не видит, – также искренне и просто ответил Лебедь.

– Аха-ха! Молодец! Вот и я так же думаю! Раз не видит никто чужой, почему б не доставить себе удовольствие? – весело и довольно сказала Елизавета.

– Эх, я бы тоже с большим удовольствием валенки надел в такую стужу! Надёжная для зимы обувка! – задумчиво изрёк телохранитель …

– Как? Обувка? Интересное слово! Если «обувка», то шуба – «одёвка»? – поинтересовалась Великая русская Княжна, просто и уверенно широко шагая по тропинке через заснеженную поляну, словно обычная деревенская девушка, привычная к сугробам и валенкам.

– Нет, Ваше Высочество! Шуба будет «одёжа», – не смутившись, ответил Тимофей.

– Это, где так говорят? – остановившись и повернувшись к нему, спросила Елизавета.

– Да, везде по всей России-Матушке народ так говорит.

– Народ? Надо запомнить! Народ зря не скажет! Батюшка мой любил говорить, как народ … – задумчиво произнесла Елизавета.

– Батюшку Вашего, Ваше Высочество народ простой крепко уважал! Не слушайте, если кто иначе Вам внушать станет! Ваш батюшка для народа – спаситель от шведов и турок, от всякого супостата и от зверя в человечьем обличии – злого и кровожадного помещика! Боялись такие помещики и другие баре батюшку Вашего покойного, царствия ему небесного… Да и по сей день боятся, ибо страх в них глубоко сидит! Опасаются они, как бы не вернулось время, когда этих изуверов своей крепкой рукой Ваш батюшка за шиворот хватал и уму-разуму учил. Так что народ токмо с таким, как Ваш покойный батюшка, страну от всякого врага защитить может! Вот так-то! Если бы не он, не было бы Великой России, Ваше Высочество! – это факт! – гвардеец, казалось, не чувствовал холода, лицо его было спокойным и уверенным.

– Что же, Лебедь, я запомню твои слова! А нос твой уж и не красный более! Отогрелся или совсем отмёрз? – вдруг весело спросила Елизавета Петровна, сменив тему разговора.

– Да, не отмёрз, вроде!.. – сняв перчатку и потрогав нос, недоумённо пробормотал Тимофей.

– Я тебя в одно место тайно отправить собираюсь по важному и секретному делу мне в помощь. – Вдруг сказала цесаревна. – Как приедем в Москву, всё расскажу, зачем и с кем тебе там встретиться надобно будет. Потому подумай, кого с собой возьмёшь, чтобы помощь в трудный час тебе оказать могли и тайну мою сохранить, – серьезно взглянув на верного Лебедя, сухо сказала Елизавета.

– Слушаюсь, Ваше Высочество! Как прикажете! А наше дело одно –служба!

Как будто и не было этого разговора! Елизавета молча прошла мимо своих, крепко озябших молодых фрейлин, ехавших в санях под медвежьими шкурами, сидя по три барышни в каждой повозке. Жалея девушек, Тимофей впускал их во время стоянок погреться в свою тёплую натопленную кавалергардскую карету-вагончик, а сам путешествовал верхом, меняя лошадей.

Во время короткой остановки в небольшом старинном городке Клин поручику кавалергардии Лебедеву сообщили, что в Москве роту конных императорских кавалеров из шестидесяти трёх офицеров ожидают роскошные новые голубые мундиры, кафтаны, штаны, шляпы с позументами и сапоги, уже специально сшитые к коронации императора по заранее снятым меркам. Новость его порадовала, как и других служивых.

На пошив формы кавалергардам, покупку лядунок с вензелем Петра II, праздничную экипировку коней императорского конвоя, включая уздечки, шпоры, специальные кавалерийские рукавицы, перевязь, чепраки и прочую амуницию, по распоряжению императора, из Государственной казны были выделены весьма крупные суммы. Образцами послужили прежние эскизы, разработанные и утверждённые самим Петром Великим для коронации Екатерины I …

***

Молодой монарх Пётр II Алексеевич, радуясь возможности размяться на последней крупной перед Москвой стоянке, выглянул в окно ... Диск солнца, укутанный толстым слоем облаков, иной раз ещё просматривался в их рваные щели высоко в небесах, обнадёживающе горя мерцающей путеводной звездой. Чем ближе приближались к Москве, тем небо становилось всё ниже и, наконец, из тяжёлых облаков на землю повалили пушистые, снежные хлопья. В считанные минуты стало как-то темно и неуютно, а вскоре, завыл усилившийся ветер, и стало ясно, что надвигается снежный буран. «Ничего, – подумал Пётр совсем, как взрослый, – сейчас вот остановимся на привал и переждём непогоду. Я должен заботиться о своих подданных, я ведь теперь их император, а стало быть, их Спаситель на земле!».

В дверцу остановившейся кареты-вагончика, предназначенной для походной императорской столовой, постучали. Придворный камергер Иван Долгоруков, старший сын князя Алек-

сея Григорьевича, скачком ловкого зверя влетел в вагончик и быстро затворил дверь. Как было принято называть в те времена, молодой Иван Алексеевич являлся фаворитом и старшим другом государя. В его обязанности входили заботы о быте молодого правителя.

– Ваше императорское величество, решено перед Москвой сделать последний привал, чтобы тут, за лесом, укрыться от снежной бури и переждать метель. А уж после Всесвятского без остановки поедем. Нынче хорошенько отдохнёте, а мы все подготовимся к Вашему торжественному въезду в Первопрестольную. Пока светло, дозвольте обновить Вам свечи и ещё разок протопить печку? Какие будут пожелания на ужин?..

– Дозволяю… Ваня, я немного пройтись желаю. Не надо топить! Тут и без того жарко. Вели принести вина и фруктов, пусть приготовят небольших пирогов с яблоками … Надо бы к столу и щей горячих, да ещё капустки квашеной … Кофе и чаю пусть тоже приготовят … Интересно спросить у тётушки, что она будет?

– Про Лизавету Петровну, государь, не беспокойтесь. И так знаю, она любит сладости, особливо *мармалад* да поболе ... Гляди, явится скоро со своей «великой тенью» – «Белым Лебедем» … – Долгоруков расхохотался, недвусмысленно намекнув на красавца телохранителя Елизаветы Петровны.

Приоткрыв двери кареты, князь Иван выглянул наружу.

– Погодите одеваться, Пётр Ликсеич. До Вас вон сестрица идёт … Никак, что-то тяжёлое несёт, пойду, подсоблю ... Вы только гляньте, государь, как она спешит, прямо колесом катит … – с этими словами придворный камергер, молодцевато выпрыгнул из кареты в мягкий снег и поспешно удалился.

Император надел меховую шапку и с любопытством выглянул из кареты, слегка приоткрыв дверцу. Всюду прислуга и военные, сопротивляясь порывам ветра, разводили костры, ставили палатки. Солдаты, торопливо накрывая коней попонами, распрягали их и уводили греться в специальные походные отапливаемые печками шатры, приспособленные под конюшни со стойлом. Поблизости служивые привычно расчищали дорожки, офицеры устанавливали друг напротив друга кареты знати в виде улочки, а далее – повозки попроще, для подданных всех мастей …

Императорский лагерь жил своей обычной жизнью, несмотря на непогоду. В котлах вскоре забулькали наваристые щи из квашеной капусты с мясом и серая солдатская каша, аромат которых ветер-бродяга спешил разнести по округе, сообщая дикому зверью о необыкновенно привлекательных ароматах предстоящей трапезы.

Невдалеке Пётр заприметил камергера и сестрицу, неуклюже спешащих против ветра, пробиваясь через изрезанные повозками сугробы, к его карете. Эти двое в очередной раз явно ссорились друг с другом. Наталья Алексеевна с решительным достоинством отвергала любезные ухаживания князя Долгорукова, пытавшегося проявить галантность кавалера и помочь ей выбраться из снежных сугробов на расчищенную дорожку.

– Ах, князь, не смейте ко мне прикасаться! Я ненавижу таких повес, как вы. Вы дурно влияете на моего брата … – с этими словами, отряхиваясь на ступеньках от снега, Наталья Алексеевна, румяная не то от ветра и мороза, не то от гнева на Долгорукова, вошла в карету императора.

Приняв из рук расстроенного прямым отпором камергера увесистый сестрицын ларец, Пётр Алексеевич улыбнулся, и, чтобы приободрить князя, разведя руками, пообещал:

– Не кручинься, Ванюшка, вижу, как тебе, верный друже, нелегко на службе при императорском Дворе. Хочешь, после коронации пожалую тебя в обер-камергеры[19]?..

[19] Обер-камергер *(немецк.)* – старший камергер, высший придворный чин в XXVIII веке. С 1728 года был чином 2 класса в Табели о рангах. Титулование – «Ваше Высокопревосходительство».

Ещё недавно этот известный всем, самовлюблённый ловелас Иван Долгоруков имел неслыханную дерзость посвататься при Наташе к Елизавете Петровне, чтобы породниться с родом Романовых. Такую «мыслишку» ему подкинул отец, после того как однажды на заседании Верховного Тайного Совета барон Остерман предложил поженить юного царя на его тётушке – «осьмнадцатилетней» Елизавете Петровне, чтобы сохранить и укрепить правление обоих наследников Петра I. Тему с разрешения Екатерины I даже всерьёз проверили на предмет отношения к ней высшего духовенства и влиятельного иностранного мнения.

Однако в этом случае в глазах всей Европы ещё сильнее могла пострадать репутация Цесаревны, о которой и без того вспоминали всё чаще, как о ребёнке, рождённом до официального брака будущих императора и императрицы. Пожалуй, лишний раз «подливать масла в огонь» иностранным посланникам и их родовитым сюзеренам нарушением христианских устоев не стоило. И «Верховники», подумав, предложение вице-канцлера отклонили.

Однако князь Алексей Григорьевич Долгоруков быстро смекнул по поводу династической рокировки и выгоды для себя и сына. И при встрече намекнул не менее ушлому Ивану:

– Вы с Лисаветой по возрасту друг к дружке больше подходящи, опять жа всё время в одной компании толкётеся. Взял бы, да к ней посватался, чем чёрт не шутит …

Вот молодой князь и постарался, когда светская молодёжь, выпив винца и вдоволь натанцевавшись на очередном балу, была в прекрасном настроении, князь Иван Алексеевич «подкатил» к Елизавете весело беседовавшей с племянницей Наташей. Будучи абсолютно уверенным в своей неотразимости и положительном ответе, молодой повеса, не то в шутку, не то всерьёз, с вальяжным видом, держа два полных кубка вина, вдруг произнёс, что «весьма давно» имеет сердечный интерес к Великой Княжне и желает на днях заслать к ней сватов. Для Елизаветы, несмотря на её кажущуюся весёлость и некоторую ветреность в отношениях с молодыми людьми, подобный брак стал бы мезальянсом, ибо выходить замуж за *своего подданного* ей было не по рангу, уж лучше в *«девках»* остаться. В наступившей тишине из-за возникшей неловкости она попросту отшутилась:

– Твой, Ванюшка, интерес, – в пьяное ребро кудрявый бес! – такой ответ разрядил ситуацию и вызвал всеобщий смех.

А Елизавета, взглянув для поддержки на своего придворного камергера и телохранителя, атлетически сложённого красавца графа Александра Борисовича Бутурлина[20], нарочито громко, чтобы выскочке князю стало оттого ещё обиднее, прилюдно ему отказала, отметив *явную и убогую страсть самовлюбленного молодого человека к безродным танцовщицам и певичкам.* Разгневанный не на шутку Александр Бутурлин (в узких кругах считавшийся первой любовью Елизаветы) следом сделал князю Долгорукову публичное замечание, из-за чего они сильно повздорили и едва не подрались на шпагах. Разумеется, после этой пикантной истории весь княжеский клан Долгоруковых ополчился против надменной младшей дочери Петра Великого и её тайного возлюбленного, против которого они не упустили момент настроить и юного императора Петра II, вызвав у того приступ юношеской ревности …

Опытного офицера Александра Бутурлина, совсем недавно в чине генерал-майора, вернувшегося в Санкт-Петербург из Малороссии, где местная армия завершила локальные военные действия с татарами и турками, разгневанный монарх, по совету князей Голицыных и Долгоруковых, накануне переезда Престола в Москву отправил с глаз долой! Теперь уже на

[20] В связи с тем, что весь архив древнейшего боярского рода Бутурлиных, состоявшего из нескольких генеалогических ответвлений, сгорел вместе со знаменитой библиотекой в московском пожаре 1817 года, многие из серьезных историков-исследователей по-прежнему оспаривают точную дату рождения генерал-фельдмаршала (1756) и московского генерал-губернатора (1742-1744) Александра Бутурлина, бывшего фаворитом у юной Елизаветы Петровны. По одним сведениям, он был её старше на пятнадцать лет (1694 г.р.). По другим источникам, родился в 1704 году. Карьера Александра Борисовича Бутурлина завершилась при Екатерине II. *(Примеч. лит. ред.)*

границу с Персией. При этом император ещё и понизил в чине бравого красавца и смельчака до подполковника, повелев у него отнять орден Святого Александра Невского …

Так что, вероятнее всего, именно с этого момента и начались ущемления Великой Княжны Елизаветы Петровны в финансах.

Юный император не мог снести такого, он имел сердечную симпатию к тётушке и посчитал её увлечение Бутурлиным ударом по своему самолюбию, а главное – предательством своих искренних и нежных чувств ... Князь Алексей Григорьевич Долгоруков, дорвавшись до власти и казённых денег, находил теперь любые поводы и средства, чтобы унизить цесаревну. Дошло до того, что придворным Елизаветы было отказано перед отъездом в Москву даже в отпуске положенной нормы пива – особенно обидная мелочь, о которой и рассказывать было неловко! Отношения между любящей тётушкой и её царственным племянником, хотя внешне всё ещё и были добрыми, но постепенно охладевали, а встречи их становились со временем всё реже и менее доверительными.

Понимая всю щепетильность ситуации и свою возросшую ответственность за жизнь вверенной ему самим генералом Иваном Бутурлиным венценосной и свободолюбивой Елизаветы, кавалергард Тимофей Лебедев, назначенный на роль её обережного, старался быть бдительным и осторожным, в особенности в дороге. Чем ближе царский обоз приближался к Москве, тем сильнее чувство тревоги охватывало стража Елизаветы Петровны, всецело доверявшей его преданному сердцу и воинской чести.

Сама же Елизавета особой тревоги не испытывала, да и переезд из Санкт-Петербурга в Белокаменную дочь Петра Великого вовсе не смущал. «Что спорить или сопротивляться, коли так решили мужчины», – рассуждала она вслух, показывая, будто по молодости лет её увлекают перемены, придуманные новым императором. Оставшись как перст одна, Елизавета, хорошо понимая своё непростое положение. А за внешней весёлостью она научилась умело скрывать свой естественный, «животный» страх, не проходящую грусть и неугасимую тоску по отцу – мужественному и сильному человеку, рядом с которым они с сестрой и матерью всегда были, как за каменной стеной.

Стараясь согреться в холодной своей постели, прикрыв глаза, она старалась вспомнить его бархатистый, родной голос, когда отец с любовью и нежностью произносил её имя в своей особенной манере: «Лизетта» … Это имя он считал самым звучным и красивым, символом верности и преданности. Ещё до её рождения у него была любимая умница лошадь – бурая красавица, которая спасла ему жизнь во время Полтавской битвы. Именно так была названа и надёжная шестнадцати пушечная шнява[21] – один из первых Балтийских кораблей, собственноручно построенный им – императором – плотником по личному проекту при поддержке известного корабельного мастера Федосея Скляева. На этой шняве он катал по Неве и в акватории залива своих любимых – жену и дочек, сам стоя у штурвала… Да и любимица, гладкошёрстный терьер – неутомимая охотница тоже была названа им Лизеттой … Повернувшись на левый бок и, подоткнув кружевной уголок пуховой подушки, Елизавета Петровна вытерла рукавом шёлковой ночной рубашки скатившуюся по щеке слезу и с грустью подумала: «Как жаль, что нельзя вернуть то счастливое время»! – она понимала, что должна быть сильной духом, и во что бы то ни было справиться со всеми навалившимися на её хрупкие девичьи плечи многочисленными переменами. Следовало быть внимательнее, осторожнее и хитрее, научиться незаметно ждать подходящего момента и не упустить своего судьбоносного часа, укреплять дружбу с надёжными и верными людьми, не потерять почву под ногами …

Елизавета явно понимала, что поддержать её и спасти могут только служивые, да «верные дети гнезда Петрова». Страх за свою жизнь и честь учили её быть хладнокровным воином, до

[21] Шнява (*нидерл.* Snauw, *немецк.* Schnau) – небольшое торговое или военное судно, длиной 25-30 м, с двумя мачтами и прямыми парусами, с экипажем в 80 человек.

поры, до времени исполняя роль беспечной, весёлой и искренней. Она уже знала, что в Москве ей предстоит жить вместе со всем своим Двором в Головинском имении, расположенном в Немецкой слободе рядом с Лефортовским дворцом. Мало ли кому и каких поместий, с тысячами крестьянских душ, или дворцов пожаловал когда-то её покойный батюшка-император …

Для цесаревны было важно снова оказаться в родных местах – побывать в Покровском-Рубцово, Преображенском иль царском подмосковном селе Коломенское на правом берегу реки Москвы, где родилась, наполниться невидимой силой любви и счастья, которые, по её представлениям, витали там со времени её счастливого появления на свет. Она представляла, как будет лихо бегать на коньках по речке Рыбинке, устраивать весёлые катания на санях по льду широкой и спокойной Москвы-реки, скакать верхом во всю прыть вдоль широкой Яузы, по привольным полям и пролескам. И, не подавая виду, что многое в нынешней жизни ей не по душе, играла роль весёлой и всем довольной, любящей тётушки императора.

По утрам после завтрака, пока слуги упаковывали имущество и готовились продолжать путь, Елизавета в сопровождении личного охранника и дворцовой свиты увлекала своих августейших племянников развлечься верховой прогулкой. Юный император Пётр, очарованный прекрасной рыжеволосой своей тётушкой, готов был поддерживать все её выдумки, шалости и затеи, находя их весёлыми и «особливо занятными». Чего только стоили их регулярные походные выезды на псовую охоту, когда взволнованная и увлечённая быстрой скачкой Елизавета, раскрасневшись, походила на прекрасного небесного ангела ... Пётр в такие моменты старался подъехать поближе к обожаемой Лизетте-хохотушке, манимый тонкими флюидами неповторимого аромата её разгорячённого тела, заставлявшего волнительно и учащённо биться его неискушённое сердце …

Петра радовало в ней всё! Елизавета была для него не только милой тётушкой, которая всего на шесть лет старше, но и верным другом, надёжной опорой и поддержкой. Одним словом – любящей и доброй его семьей! Радовало юного императора и то, что с ней можно было свободно изъясняться на привычном с детских лет немецком языке, не подбирая слов и избегая всякого смущения.

– Скажи мне, Лисхен , этот твой Prachtbursch[22] Лебедь постоянно за тобой следит и всегда держится рядом, тебе это не надоело? – Как-то на прогулке спросил юный император о Тимофее. – Он такой молчаливый и смотрит строго, словно гончая …

– Нет, Питер, не надоело. Мне спокойно, когда он рядом. Я уже привыкла и его совсем не замечаю ... – ответила она, уверенная, что этот ответ понравится неравнодушному к ней племяннику.

– А, давай, попробуем сбежать от него?! – довольный ответом, тихо предложил Пётр. – Как думаешь, догонит?

– А, давай попробуем! – весело и охотно поддержала Елизавета и тут же пришпорила коня … Парочка стремительно понеслась сначала вдоль дороги, затем свернула в сторону леса.

Ориентируясь в окрестных местах, где приходилось не раз бывать на батальонных учениях во время службы в Преображенском полку, Тимофей, тут же направил коня другим путём, помчавшись рысью им наперерез … В тот самый момент, когда Елизавета и Пётр миновали пролесок, Лебедь уже ждал их на взгорье, возле заснеженного оврага. Никто из царственных особ не представлял такого. Переходя с быстрого аллюра на шаг, Пётр II и Елизавета сильно удивились, глядя на Тимофея.

– Как это ты тут вперед нас оказался, а? – уверенно потрепав своего коня по холке и ласково почесав основание гибкой и мускулистой его шеи, громко спросила Елизавета, приметив, как конь её мгновенно стал успокаиваться, в отличие от вороного коня Петра, норовившего

[22] Der Prachtbursch (немецк. яз.) – *красавец-богатырь, отличный, видный малый*

затоптать любого, кто не дай бог выскочит из сугроба. Этой хитрости, как усмирить коня, Елизавету тоже научил отец-император в далёком теперь и безоблачном детстве.

– Прилетел, не иначе! Он же *Schwan*[23]!.. – с явным акцентом находчиво изрёк Пётр, восхищённо глядя на статного и красивого гвардейца и, стараясь изо всех сил сдерживать своего недовольного неожиданной остановкой лоснящегося и заласканного жеребца. – От тебя не избавиться, как от хвоста … Так и есть, ты не Schwan, а самый настоящий Schwanz[24]! Теперь я так и буду называть тебя – Schwanz! … Хотя, нет, я передумал … русское слово «лебедь» звучит куда красивее, нежели «шван» … Так вот, милая тётушка, совсем я перестану скоро говорить по-немецки, потому как русские слова для меня с недавних пор стали намного приятнее. А всё от чего? А оттого, что я есть теперь император Великой России! – горделиво задрав подбородок, глядя на Елизавету и, властно уперев левую руку в бок, молвил Пётр на немецкий манер построив предложение, и, без лишней скромности, давая понять, что вскоре всё изменится, а вот в какую сторону, он пока и сам не знает …

Елизавета согласно кивнула, как умела делать только она и, мило улыбнувшись Петру, бросила мимолётный, но многозначительный взгляд на Тимофея. Она явно испытывала гордость за своего надёжного телохранителя. В этот самый момент все услышали громкие и тревожные крики камергера Ивана Долгорукова, а за ним и сестрицы Петра – Великой Княжны Натальи Алексеевны, за которыми следовали другие члены императорской свиты, встревоженные исчезновением государя и принцессы. От их криков Лиза и Пётр развеселились, как заговорщики. Однако сказанное юным императором, накрепко осело в памяти Елизаветы Петровны и её обережного.

– Ты тоже у нас *Лебедь Белая – liebe Tante*[25]! Вот тебе моё новое тайное имя! И всё равно, согласись, Лисхен, я тебя почти догнал!

– Ты превосходный наездник, дорогой Питер! Лучше, чем кто другой! И конь твой очень хорош! Достойный молодого красавца императора, как и легендарный Буцефал Александра Македонского! – искренне добавила Елизавета и, чуть наклонившись, и, ненароком коснувшись кружевной манжетой и рукой в перчатке колена Петра, ласково потрепала холку жеребца, зная, что её слова западут племяннику в душу и будут восприняты с явным удовольствием. Скрытое сравнение с великим полководцем Александром Македонским, по легенде укротившим своенравного коня, боявшегося своей тени, подняло и без того восторженный дух юного монарха, а непринуждённое касание чувствительного колена, пронизало его взрослеющий организм приятной негой. Пётр любил тонкую лесть, а теперь понял, что ему нравятся и ласковые прикосновения ...

Прогулка удалась на славу! Солнце, играя лучами, пригревало и слепило. Снежный покров толстым парчовым одеялом блистал яркими голубыми и розовыми, жёлтыми и фиолетовыми искрами. Вековые сосны и ели, щедро укутанные в снежные шубы, будто вальяжные московские барыни, собравшись на широкой поляне, хвастались богатыми нарядами, которым был отведён свой срок. Совсем рядом затрещала сорока, а за ней другая, чуть поодаль, сплетничая о неожиданных гостях, потревоживших их покой и нарушивших тишину спящего леса …

Император не без труда развернул, наконец, коня и, пришпорив его, помчался навстречу придворным. Елизавета и её кавалергард последовали за ним …

Сумерки наступали быстро, мела позёмка, мороз становился всё крепче. Тимофей заступил на охрану. Караульную вахту стоять он любил. В такие часы телохранитель цесаревны держал себя особенно важно и неприступно, стараясь быть особенно бдительным. Вот и теперь,

---

[23] Der Schwan (немецк. яз.) – лебедь

[24] Der Schwanz (немецк. яз.) – хвост

[25] Liebe Tante *(немецк. яз.)* – дорогая тётушка

ожидая смену под самое утро, он внимательно и зорко всматривался вдаль. Тяжелы последние часы постового! Переводя взгляд то на лес, то на дорогу, Тимофей старался прогнать липкую туманную дрёму. А звенящая тишина, с рассветом всё настойчивее сдавливая виски, будто сладко шептала ему на ухо: «Ах, как сладок со-о-он! Спа-а-ать, всем спа-а-ать!» …

Вдруг, сквозь утреннюю морозную дымку Лебедь разглядел тёмное пятно над заснеженной дорогой и вскоре из ложбины оврага показался всадник. Дремота в миг улетучилась, и кавалергард тут же вытянулся, как положено «во фрунт». Приблизившись к офицеру, вестовой, окоченевший от мороза, с заиндевевшими бровями, ресницами и усами, с трудом произнося слова, обратился по форме:

– Ваше благородие, господин поручик, Ея Высочеству Елизавете Петровне срочная депеша из Киля! Третий день вас догоняю, слава богу, успел! – ловко, в натяг, удерживая раззадоренного быстрым ходом коня и переводя его на шаг.

Как раз в этот момент подоспела смена караула из Лейб-регимента, и поручик Лебедев, приняв запечатанный конверт, безотлагательно направился к вагончику-спальне цесаревны, распорядившись между делом, проводить вестового в походное расположение части и предоставить ему и его коню должный отдых, комфортный ночлег и горячее питание. Требовалось время, чтобы Елизавета подготовила ответ сестрице. Подойдя к карете- вагончику, телохранитель условным, давно оговорённым ритмом постучал в дверь.

– Да, что так всполошились-то, будто свету конец? – недовольно пробормотала Великая Княжна.

Уж что-что, а её сон всегда был особенно чутким. Узнав, что доставили весточку от старшей сестры, она радостно улыбнулась и торопливо приняла конверт. Елизавета точно знала из прежних известий от сестрицы Аннушки, что в далёкой заграннице у неё должен скоро родиться ребёнок – младший внук Петра Великого[26]. Пока это был их личный, тщательно оберегаемый, сугубо семейный и добрый секрет!

Как известно, секретов и тайн при императорском Дворе хватало. Вот и кавалергарду Лебедеву, бдительно охранявшему красавицу Елизавету, стало недавно известно, что князья Долгоруковы вынашивают план отправки Её Высочества в монастырь на постриг. Эту жуткую новость он пока не сообщил ей, и без того постоянно опасавшейся за собственную жизнь.

Елизавета Петровна, бегло читая письмо сестры, радовалась новостям. Анна сообщала в послании: *«Государыня, дорогая моя сестрица! Доношу Вашему Высочеству, что я, слава Богу, в добром здравии сюда приехала с герцогом, и здесь очень хорошо жить, потому что люди очень ласковы ко мне; только ни один день не проходит, чтобы я не плакала по вам …»*

Чтобы не огорчать младшую сестру, не привыкшая жаловаться и роптать Анна Петровна не сообщала ей, что её супруг, герцог Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский, вернувшись на родину в Киль, сильно переменился к ней, изменял, кутил, а политикой вовсе перестал интересоваться.

Да и Елизавета Петровна, воспитанная в тех же традициях, ни словом не обмолвилась в ответном послании, что остро нуждается в средствах и боится за личную безопасность. Она многократно жаловалась императору на поведение Долгоруковых, которые то «позабудут» на нужды её Двора выделить положенное жалованье из казны, а то и вовсе обделят её слуг даже количеством … соли и других необходимых продуктов.

Пётр II, слушая жалобы сестры Натальи и негодования тётушки, каждый раз сильно хмурился, клятвенно заверяя обеих, что разберётся в этих «пустяках». И действительно, отдавал строгие распоряжения. Но дело вовсе не сдвигалось с места. Великие княжны обе признава-

---

[26] Речь идёт о рождении законного наследника, младшего внука Петра Великого, будущего Всероссийского императора Петра III (в 1762 г.), появившегося на свет 10 февраля 1728 года в городе Киле (Голштейн-Глюкштадт) под именем Карл Петер Ульрих Гольштейн-Готторпский.

лись друг другу, что чувствуют нарочитую издёвку в поведении Долгоруковых. И договорились по приезду в Москву непременно поговорить об этом с бароном Остерманом …

Самой главной для Елизаветы стала весть, что сестрица Аннушка должна была разрешиться от бремени уже совсем скоро, по подсчётам – в ближайшие дни февраля. Стоя на коленях перед Казанской иконой Божией Матери, Елизавета Петровна молилась о здравии сестры и её будущего новорожденного младенца, законного наследника Российского Престола, призывая на помощь в предстоящих родах всех ангелов-хранителей, Николая Чудотворца и Саму Богородицу.

И в этот раз Тимофей счёл излишним информировать и без того взволнованную принцессу о возможной реальной опасности для неё самой. Однако вовсе не отходил теперь ни на шаг, твердо решив для себя, что пусть даже ценою собственной жизни, но ни за что не допустит произвола коварных Долгоруковых …

***

Вскоре угроза жизни и личной свободе со стороны представителей старинных княжеских родов, пытающихся во время правления Петра II Алексеевича взять в свои руки Российский Престол, нависла и над сестрой императора Натальей, которая, по сути, и являлась законной наследницей брата. Об опасности, как и Елизавета, быть сосланной в монастырь в случае нарушения закулисных боярских планов она пока не подозревала, но старалась быть наблюдательной и осторожной …

А тем временем тщеславный отец царского камергера и фаворита, князь Алексей Григорьевич Долгоруков, войдя в Верховный Тайный Совет, вдруг вспомнил времена царя Иоанна Васильевича Грозного, который, по преданию, *«пятым браком был женат на пятнадцатилетней княжне Марье Долгорукой».* В то время каноны русской православной церкви не позволяли жениться более трёх раз, пусть даже и государю. Да вот румяная юная дева, лицом бела и телесами пышна, так взбодрила воображение дряхлого старика-царя, что тот всё же заслал сватов, вопреки всем правилам.

Сыграв, тогда наперекор всем, весёлую и хлебосольную свадьбу с множеством гостей и горой дорогих подарков, нетерпеливый Иоанн IV Васильевич отправился с юной супругой в опочивальню, где юная дева, по его мнению, неожиданно смело предалась страсти. Это обстоятельство весьма удивило жестокосердного Иоанна Васильевича, который решил, что его молодая жена оказалась «порченой». За этот якобы обман он и учинил казнь «блудницы» сразу же на следующее же утро, утопив в Царском пруду Александровской слободы вместе с каретой и лошадьми, направив их на всём скаку на середину пруда, покрытого тонким ледком, тут же треснувшим под тяжестью экипажа. Сам же грозный царь – батюшка стоял и самодовольно слушал с берега истошный крик тонущей Марии и её неистовые мольбы о помощи. Когда же всё стихло, он громко сказал, что *«свершился Суд Божий!».*

Так что род Долгоруковых в тот раз не сумел воспользоваться всеми благами родственников царской жены. Теперь же на горизонте замаячила надежда во второй раз … После падения Меншикова эта старинная легенда про утопленницу Марью раззадорила корыстолюбивого князя Долгорукова и, укрепила его в стремлении женить августейшего отрока Петра II на своей дочери Екатерине, хотя у той уже был милый сердцу ухажёр. Похоже, что недавняя неудавшаяся попытка Меншикова теперь вполне могла повториться, по мнению иностранных дипломатов, как *«второй том глупости»* российских князей, идущих буквально по стопам Данилыча.

Своими планами Алексей Григорьевич откровенно поделился со своими детьми, убеждённо заявив, что «сама Судьба даёт возможность их могущественному роду вновь приблизиться к Российскому Престолу и претендовать на право воцарения».

– Если не нам, то нашим потомкам править в будущем Русью! – пафосно воскликнул подвыпивший князь, закатив глаза и, наказывая сыну Ивану постоянно быть близко к молодому царю и следить за всеми, кто к нему вхож, особливо за *«Минервой» и «Венерой»* …

Так называл сестрицу Наталью за ум и доброту, а тётушку Лизавету за красоту и грацию молодой император в минуты самого благостного настроя души. Надо признать, что эти милые и весьма точные прозвища, данные Петром II Алексеевичем его любимицам, прочно закрепились за обеими девушками среди молодых столичных аристократов …

В один из дней, Пётр Алексеевич, с радостью встретив сестрицу Наталью и, усадив её к столику у окошка в своей карете, дал знак «услужливому» камергеру, что хочет остаться наедине с сестрой. Они, как всегда, предельно доверительно разговаривали обо всём и совершенно не подозревая, что в эти минуты за закрытой дверью кареты, их по обыкновению подслушивает Иван Долгоруков. Будучи весьма довольным обещанием государя – по приезду в Первопрестольную назначить его на почётный пост обер-камергера вместо барона Андрея Ивановича Остермана, князь Долгоруков опасался, как бы сестрица Наталья не переубедила в этом решении своего царственного братца!

Молодой, холёный, высокомерный, но криводушный Иван уже лелеял мысль и часто представлял, как его карьера от камер-юнкера, взлетит до самого высокого чина при дворе, который всё ещё исполнял «противный старик Остерман». «То-то батюшка порадуется моему росту», – думал этот тайный шпион семьи Долгоруковых, мечтающих достичь вершины Российского Престола любой ценой! Что касается подслушанного разговора Натальи с Петром, то и тут Ивану пригодился совет отца: стараться быть в курсе всего, что происходит с государем.

Откровения Натальи по поводу нежелательной «дружбы» её Петруши с молодым Долгоруковым в скором времени ополчили против неё весь «княжий долгоруковский род».

– Петруша, родной! Все Долгоруковы по мужской линии, кроме генерала князя Василия, – непорядочные и лживые. Ты вот недавно мне сам жаловался, что тобою, как куклой, пытался вертеть князь Меншиков. Поверь, дорогой братец, эти намного опаснее, князь Иван и его папаша едва ли не соперничают друг с дружкой, пытаясь влиять на тебя в собственных корыстных интересах. А по мне так, князь Алексей настолько коварен и глуп, что завидует твоей царской милости к своему собственному сыну. Недаром его с детства прозвали «Чертёнок», а ныне он превратился в настоящего коварного «Чёрта», как и его покойный батюшка, Григорий Иванович – Чёрт. И потому уже многие придворные обратили внимание на этих двоих, как они часто ссорятся друг с дружкой, словно псы голодные. Фу! Ну, их! Как так вышло, Петруша, что нынче не твой наставник, просвещённый Андрей Иванович Остерман, а эти, недалекие и малодушные людишки стали твоими главными собеседниками?! Я вот даже думаю, что Александр-то Данилыч большим государственником был, нежели эти, когда твоим образованием заняться вздумал. Он тебе наилучших учителей Российской империи предоставил. Державе российской, мой милый братец, образованный правитель нужен! Великая это страна, братец! Ты вон только на ландкарты посмотри, какова хоть та же Саксония по сравнению с Россией. Словно муха перед элефантом[27] … Так что, ты, братец, помни про это. Да и не забывай, что ты, как император, величием и богатством России также велик и недосягаем быть должен. Обдумай мои слова, я верю, что ты сможешь сделать всё наилучшим образом, потому как тебя Сам Создатель избрал, ты – помазанник Божий! Потому и отринь от себя эту долгоруковскую шелуху и приторный смрад их хитрых речей …

«Ну, погоди, дрянь такая, я ужо о тебе батюшке-то и дядькам моим доложу в самых ярких красках, пусть они сами порешают, куда тебя деть»! – слушая и запоминая каждое резкое слово Натальи, камергер впадал во всю большую ярость. В особенности, когда княжна сделала собственный логический вывод:

---

[27] Elefantum *(латинск. яз.)* – в переводе «слон». Elefant *(по-немецки)* – «слон». *(Примеч.автора).*

– А иначе эти Долгоруковы, боюсь, начнут скоро злоупотреблять твоим юным возрастом. Обрати внимание, что почти все сановники и дипломаты ими недовольны, потому как намерения этой семейки «шиты белыми нитками». Вот увидишь, что тебя вновь попытаются женить на ком-то из своих девиц!..

– Наташа, я уже говорил тебе, что ранее двадцати пяти лет о женитьбе и думать не собираюсь. Но с чего ты это опять взяла? Пусть только кто попробует оженить меня силой, они точно погибнут, а любая их протеже в невесты отправится в монастырь … – хвастливо, с явной детской бравадой заявил Пётр II, по-взрослому стукнув кулаком по столу.

Далее оставаться на ступеньках под дверью императорской кареты камергеру было небезопасно, чего гляди, заметит кто, и пойдут ненужные кривотолки. И взбешённый Ванька Долгоруков, пиная на ходу комья снега и с трудом сдерживая равновесие на скользкой от гладких саней дороге, поспешил на царскую походную кухню отдавать распоряжения …

Заметив расстроенный взгляд любимой сестрицы, император сказал:

– Наташа, мы с тобой погодки, а я тебя всегда слушаю, как старшую и более разумную. Сама знаешь, как ты мне дорога и, как мною крепко любима, не тревожься по пустякам. Я ведь уже император и сам решаю, как поступать следует. Никто мне из этих «долгоруковых и долгоногових» не указ! – смущенный Пётр Алексеевич хотел, но не смог подобрать более ни одного слова ...

Да, он излишне увлекся, благодаря Ивану, охотой, скачками, картёжными баталиями, танцами и пирушками, кутежом в обществе девиц лёгкого нрава, что делать государю совсем не подобало. И он был теперь как будто согласен и готов бороться со своими пороками. Конечно, Иван старше него на целых семь лет и ему, Петру – юному отроку – льстило внимание этого взрослого и «опытного» в увеселительных делах и «мужских забавах» красавца … Но подобное разгульное поведение вовсе никак не означало достойного взросления и он, казалось, это понимал … Бедный, по-детски впечатлительный двенадцатилетний мальчик был готов покаянно разрыдаться, как в детстве, уткнувшись в плечо любимой сестрицы:

– Я обещаю … Слышишь, милая Наташенька, я клянусь, что стану достойным государем, царём и Всероссийским императором. Я буду хорошо учиться, преуспею в военном деле … Хочешь, когда приедем в Москву, вместе поедем к нашей бабушке, она нынче уже со своим Двором проживает в Лопухинских палатах Новодевичьей обители. И я при нашей *«Государыне-бабушке»* дам эту клятву …

Расчувствовавшись, Наталья бросилась к брату и многократно покрыла поцелуями его заплаканное всё ещё нежное детское лицо. Для неё он оставался таким же малышом, как всегда … Она взглянула на принесённый ею ларец, поставленный Петром на столик возле двери …

– Как хорошо, милый братец, что ты заговорил о бабушке Евдокии! Открой вот этот ларец, я тебе принесла показать приготовленный для неё подарок, который, надеюсь, ей понравится … Это, Петруша, – будет не только наш с тобой общий знак любви, а символ нерушимой духовной семейной связи с нашими покойным родителями, живая нить родства, которая помогает человеку пройти все испытания.

Осторожно открыв крышку драгоценного, покрытого чёрным лаком ларца ручной работы, украшенного искусным мастером изумрудами и редким чёрным перламутром, Петр Алексеевич достал шкатулку, вырезанную из белой липы, внутри которой находился «Молитвослов».

Взяв эту невиданную по красоте книгу в руки, император с удовольствием рассмотрел её обложку, украшенную серебряным крестом с Распятием …

– Когда же ты успела, сестрица, заказать этот изумительной красоты молитвенник?

– Успела вот. Это из Печёрских Акафистов[28] Киевской печати. Только там делают такие изысканные вещицы штучной работы. Тут вот не просто кожаный переплёт, тут ещё и вставки из чёрного бархата и четыре золочёных наугольниках из серебряной вязи и скани. Смотри, даже срез страниц покрыт толстым слоем позолоты, чтобы книга прослужила дольше, и её раньше времени не повредила пыль и влага, – довольно ответила Наталья.

– Какое чудо! – император восхищённо расстегнул серебряные застежки и, взглянув на сестру, сказал: – Да тут ещё и именная дарственная надпись: *«Молитвенник Бабушки Государыни Евдокии Фёдоровны Лопухиной, подаренный любящими внуками»,* – Наташа, какая ты умница! – обняв и поцеловав сестру в лоб, в восторге воскликнул император.

– Ты знаешь, Петруша, наша бабушка в родительском доме получила хорошее образование. Она наверняка прочитала лучшие книги того времени. Взгляни, тут, вот, есть пустые, разлинованные страницы, куда она сможет вписать молитвы, или напутствия для нас с тобой … – Наталья не успела договорить, как на пороге появилась весёлая, как всегда свежая от мороза, Елизавета Петровна в бархатной шапочке и приталенной дохе, отороченной соболями и расшитой драгоценными каменьями.

Несмотря на сравнительно недавнюю утрату обоих родителей, Елизавета всегда была легка в общении и, казалось, по-прежнему беспечна и весела, словно жизнь бесконечной вереницей дней лежала перед нею искусно сотканным ковром из луговых душистых трав и цветов. Она рано поняла силу своей божественной красоты, обворожительность своих женских чар и стала истинной властительницей своего гедонического[29] века – века наслаждений и удовольствий.

Высоким ростом и стройностью Елизавета Петровна была в отца, а пышностью форм и ангельски нежным, фарфоровым цветом кожи – в мать. Рыжие густые волосы, озорные, изумрудного цвета глаза, румяные щёки и алые губы – в самого рождения закрепили за ней притягательный образ безупречной красоты – «кровь с молоком», как принято говорить в России. Очарование было велико! Модные наряды и дорогие украшения делали «дщерь Петрову» ослепительно яркой и неотразимой. При этом она всегда строго и ревностно следила за фрейлинами собственного Двора, чтобы те не выглядели также нарядно, как она сама, или, не дай бог, лучше. Игривая, действительно любящая всевозможные увеселительные мероприятия, в особенности, танцы и балы, Елизавета Петровна была весьма набожной особой. Она часто посещала духовные обители, подолгу исповедовалась, после чего одаривала священников и храмы щедрыми подарками за «отпущение грехов». А затем, продолжала жить, как любила, жадно наслаждаясь всеми радостями и возможностями.

… Увидев Елизавету, Пётр II радостно поспешил к ней навстречу.

Наталья, не скрывая радости, искренне ласково поприветствовала дорогую гостью, чуть коснувшись щекой её прохладного с мороза лица трижды по русскому обычаю …

– Добрый вечер, милая тётушка! Не можешь ты без приятных сюрпризов и постоянно балуешь нас с Петрушей. А я вот, как раз опять понервничала из-за противного Ваньки Долгорукова. Да так, что захотелось чего-нибудь сладенького. А тут ты, словно фея по волшебству, уже всё приготовила …

– Ах вы, мои милые птенчики! Как же я рада вас видеть обоих сразу! – весело отозвалась щедрая Лизетта, и вправду походившая внешне на прекрасную фею … – Брось, милая,

---

[28] Акафист *(греч. яз.)* – «неседальная песнь» из 25 строф, жанр православной церковной гимнографии, хвалебно-благодарственное песнопение, посвященное Богу Вседержителю, Пресвятой Богородице, ангелу или святому, которое исполняется стоя.

[29] Название философско-психологического учения «гедонизм» происходит от древнегреческого слова, означающего в переводе «удовольствие и отсутствие душевной боли», которые, по мнению основоположников и мыслителей этой школы, являются основными компонентами человеческого благополучия. Смыслом гедонической жизни является поиск телесных удовольствий, обретение свободы от страданий

нервничать по пустякам! Ванька этот всем известный шалопай и дурачок, зато услужливый и весёлый. Не бери его во внимание. Кто ты и, кто он? Не снисходи до близкого общения с ним и всё. Знай себе цену! – тихо договорила она почти шёпотом на ушко своей милой племяннице. За улыбающейся «Венерой» длинной вереницей уже выстроился целый ряд лакеев, одетых в новенькие ливреи. В руках слуги ловко держали подносы со всевозможными блюдами, закусками и десертами. Отдельно несколько слуг несли деревянные ящички с вином, бокалами, фарфоровыми тарелками и столовыми приборами.

Первым в императорский вагончик-столовую вошёл элегантный тафельдекер[30] в напудренном парике и белых перчатках. Он накрыл дорожный раскладной стол накрахмаленной льняной скатертью с кистями из серебристой парчи.

Пока продолжались хлопоты с сервировкой стола, Елизавета рассказала племянникам о том, что до Москвы осталось ехать совсем уже недолго, а после обеда можно будет совершить небольшой моцион вдоль лесной опушки. Так и решили, а помимо охраны, условились взять с собой лишь верного кавалергарда Лебедева и камергера Долгорукова. Настроение у всех было приподнятое, обед – вкусным, а сборы на прогулку – скорыми, совсем как в недалёком детстве.

Стояла прекрасная зимняя погода, которая способствовала особенному радостному ожиданию приближающейся коронации. Тётушка и сестрица добавляли этому настроению Петра II особый шарм и накал. Мало сознавая настоящую суть и важность императорской доли, представляя коронацию, как самое главное событие своей жизни, Пётр II Алексеевич чувствовал себя счастливчиком. И сердце его каждый раз волнительно трепетало, когда он видел подобострастно склонявших в поклоне спины подданных. Тогда в голове его звучала фраза, милая его слуху и сердцу: *«Пётр вторый – император Всея Руси!»* …

… Пушистые хлопья снега, плавно кружась, медленно опускались на аккуратные дорожки, прочищенные широкими деревянными лопатами вдоль опушки леса. Елизавета и Наталья, взяв под руки милого Петрушу, наперебой ему рассказывали, как перед самым отъездом они успели сделать несколько важных заказов из Европы для его коронации, включая пошив праздничной одежды и изготовление новых ювелирных украшений из драгоценных камней.

– Ты будешь великолепен, станешь самым нарядным и красивым из всех монархов мира, – сказала тётушка, знавшая толк в нарядах, и ласково посмотрела на довольного мальчика. – Наши купцы вскоре должны привезти для тебя из Лиона прямо в Москву кафтан, камзол и штаны из серебряной парчи, вышитые золотом и канителью. А ещё – шикарную шляпу. Но самое главное в костюме – удивительная деталь к сорочке.

– Только представь, Петруша, эти шикарные немецкие нитяные кружева ручной работы для воротника и манжет! – восхищённо добавила Наталья. И… – в этот момент девушка сделала интригующую паузу, а затем в один голос с Елизаветой они с придыханием произнесли незнакомое слово: – «Хальсдук» из «голландского полотна» …

– Это такой шейный платок из тончайшего белого батиста, который весь украшен брабантским кружевом. Ты будешь неотразим, unser Aengelchen[31]! – поцеловав императора в щёку, добавила Елизавета.

– Ах, как мило, wunderbar![32] Вы мои любимые, *«Минерва»* и *«Венера»*! – по-детски обрадовался счастливый император.

Галстуки и кружевные манжеты как раз только-только начинали входить в моду. И, действительно, сияющий золотыми лучами при свете зажженных свечей и факелов коронацион-

---

[30] Тафельдекер – лакей, который при Дворе Петра II следил за сервировкой стола. Он напрямую подчинялся обер-шенку, чину, ведавшему закупками для императорских винных погребов.

[31] Наш ангел! – *немецк. яз.*

[32] Чудесно! – *немецк. яз.*

ный костюм Всероссийского Самодержца после торжественной церемонии в Успенском храме Кремля долго и широко обсуждался во всех деталях, как на родине, так и за её пределами … Красивее юного русского монарха Петра II не было никого во всей Европе!

***

А тем временем, бывшая столица России тщательно, стараниями нескольких государственных учреждений, включая коллегию Иностранных дел, Камер-коллегию[33], Дворцовую канцелярию, Синод, Оружейную палату и другие задействованные учреждения, готовилась к торжественной встрече императорского кортежа.

Берг-коллегия[34] на заседании Верховного Тайного Совета отчиталась об исполнении Императорского Указа – отлить на Московском Красном Монетном Дворе к предстоящей коронации особые золотые и серебряные медали с изображением на аверсе подгрудного портрета юного монарха[35] с орденской лентой и увенчанного лавровым венком, с надписью: *«ПЕТРЪ-II-ІМПЕРАТОРЪ-ИСАМОДЕРЖЕЦЪ-ВСЕРОСІСКИ»*. На реверсе размещалось изображение Жертвенника, на котором находятся Корона, Скипетр и Держава в сиянии изображения Бога с надписью: *«ОТ ТЕБЯ-С ТОБОЮ-И К СЛАВЕ ТВОЕЙ»*. Под образом Всевышнего ещё одна надпись гласила: *«КОРОНОВАНЪ-В МОСКВЕ-25-ФЕВРАЛЯ-1728»*. Столь сложный и крупный заказ был исполнен под руководством опытного мастера-медальера из Копенгагена Антона Шульца[36], с которым был заключён многолетний контракт на работу в России.

За подготовку к предстоящей коронации в Первопрестольной и дальнейшего пышного празднования в течение последующих восьми дней ответственным был назначен генерал-губернатор Москвы князь Иван Фёдорович Ромодановский. Понимая, как много окажется желающих посетить столь важное мероприятие в Успенском соборе, и что его стены могут не вместить всех именитых гостей, градоначальник решился заказать в типографии специальные билеты в количестве двух тысяч штук.

… Как же мучительно долго Первопрестольная переживала безвременье и разруху! Для многочисленных потомков именитых боярских родов и сторонников патриархальной русской старины, категорически не принявших ни возведение Санкт-Петербурга, ни прогрессивные реформы первого Всероссийского императора, Москва по-прежнему оставалась главным городом государства.

За два десятка лет с тех пор, как Пётр I Алексеевич перенёс царскую резиденцию в Северную столицу, поближе к Балтике и Европе, начали приходить в упадок ставшие малолюдными улицы старой Москвы.

Без надлежащей заботы от времени разрушались некогда нарядные, украшенные богатой резьбой боярские терема и царские дворцы. Пустовали надолго заброшенные белокаменные Кремлёвские палаты. Разруха коснулась и многоэтажных зданий казённых учреждений, в длинных и гулких коридорах которых поселилось эхо.

---

[33] Камер-коллегия заведовала казенными сборами в государстве, а также некоторыми отраслями, включая земледелие, скотоводство и проч. При Петре II учреждением заведовал член Верховного Тайного Совета князь Дмитрий Михайлович Голицын.

[34] Берг-коллегия – орган горной администрации, отвечающий за поиск, разведку и разработку месторождений полезных ископаемых, наподобие министерства горнорудной промышленности, учрежденный Петром I в 1719 году. В обязанности Берг-коллегии входило также управление Монетными Дворами.

[35] Подгрудный портрет монарха – это разновидность портретного изображения, где фигура правителя показана по грудь, то есть примерно по пояс. Такой формат относится к камерному типу портрета, в отличие от парадного, где монарха обычно изображают в полный рост, либо на коне или сидящим на троне.

[36] Переговоры с датским медальером Антоном Шульцом о производстве значимых российских медалей велись ещё при Петре Великом. На Петербургском Монетном Дворе этот мастер исполнил медаль в память о Ништадтском мире, коронационную медаль Екатерины I, медаль на смерть Петра I Алексеевича, коронационные медали Петра II и Анны Иоанновны.

Однако главные свидетели славы и величия старой столицы – её православные святыни, во главе с Кремлевским Успенским собором, по-прежнему величаво сияющим своими златыми куполами в лучах солнца, безжалостное время не тронуло! На том, Слава Богу!

… Как часто бывало в это время года, в Москве в начале февраля тысяча семьсот двадцать восьмого после свирепых и колючих метелей установилась обманчивая оттепель. Снег начал таять, превращаясь в жидкое месиво под ногами, отчего у встречающих императорский кортеж горожан быстро промокала обувь, но возвращаться домой никто и не думал. Наоборот, улицы заполнялись празднично одетым людом всех сословий. Народу было любопытно посмотреть, как сама царица Евдокия Лопухина, выйдет встречать родных внуков вместе с освобождёнными из ссылки многочисленными родственниками, впервые обнимет детей своего покойного сына – царевича Алексея Петровича … Многие тешили себя надеждой на возвращение к старинным правилам и доброй, спокойной жизни.

С самого раннего утра по подмосковным окрестностям и улицам Белокаменной разливался колокольный звон, возвещая о предстоящем грандиозном празднике. Ещё бы! Именно в этот – четвёртый долгожданный день февраля, с минуты на минуту в городе ожидали приезд императорского кортежа вместе со всем Двором, гвардией, представителями главных правительственных учреждений страны и иностранными посланниками.

Помимо всего августейший отрок пожелал продолжить былую традицию и венчаться императорской короной на царство, как в прежние времена делали все российские монархи, в Успенском соборе Московского Кремля!

По Указу молодого государя, под его новую столичную резиденцию подготовили несколько московских дворцов, включая царские палаты в Потешном дворце[37] Кремля, где они с сестрой расположились накануне коронации.

Головинский каменный дом в бывшей усадьбе генерал-фельдмаршала Фёдора Головина тоже ожидал своих новых обитателей. Сюда по приглашению царствующего племянника въехал немногочисленный Двор Елизаветы Петровны.

По статусу великой княжне было положено прибыть в Москву в сопровождении свиты: из обер-гофмейстера, обер-гофмаршала, обер-егермейстера, обер-шталмейстера, обер-церемониймейстера, прочих камергеров и камер-юнкеров, гофмейстерины, статс-дамы, фрейлин, камер-юнгферов и камер-медхин. Помимо придворных, ежедневные нужды Елизаветы обслуживали повара, портные, конюхи, писцы, уборщики и прочая прислуга. Содержание такого персонала требовало немалых средств.

По закону обеим дочерям Петра Великого и Екатерины I Анне и Елизавете полагалось по сто тысяч в год на все текущие расходы. Но теперь Долгоруковы ревностно следили, чтобы эти деньги оставались в казне, и всячески досаждали младшей дочери Петра Великого, вынужденной влезать в долги, чтобы сводить концы с концами.

Привыкшая жить на широкую ногу, посещать и устраивать балы, носить драгоценные украшения и по нескольку раз в день менять роскошные наряды, Елизавета Петровна всё больше теперь нуждалась в средствах. Чувство отчаяния усиливалось ещё и от того, что она не могла ни себе, никому другому дать ответа на вопрос: как долго будет продолжаться такое её унизительное положение?!

При этом природная интуиция подсказывала девушке, что любое заграничное «выгодное» замужество счастья ей не принесёт. Ей достаточно было опыта родной сестры Анны. Весьма поучительным был и пример царевны Екатерины Иоанновны, чудом сбежавшей вместе с дочкой Анной Леопольдовной от деспота мужа обратно на родину.

---

[37] Название «Потешный дворец» появилось в 1672 году, когда здесь стали устраиваться первые на Руси театральные представления («потехи») для царской семьи. Здесь же перед коронацией в 1730 году проживала и Анна Иоанновна, а позже частенько останавливалась во время приездов в Москву будущая императрица Елизавета Петровна.

«Как говорит русский народ: *«Выйти замуж – не напасть. Лишь бы за мужем не пропасть!»* – рассуждала Цесаревна, решившая для себя, что если и вступит в брак, то только по большой любви и только за своего соотечественника. А уж в коротких романах и ни к чему не обязывающих её любовных связях с многочисленными фаворитами молодая принцесса себе могла не отказывать. Её страсть, меняя векторы направления, то вспыхивала к очередному поклоннику, то неожиданно гасла. Жизнь и природа брали своё. Однако свою голову, как учили отец и мать, Лиза умела держать на плечах и выстраивала отношения с «подданными мужского пола», сохраняя разумную дистанцию.

Этой особенности её поведения телохранитель Лебедев не переставал удивляться, отмечая, что она душой и сердцем ни к кому не привязывалась, но и чувством одиночества не маялась, как, к примеру, сам Тимофей. «А я живу, будто, оставил в прошлом всё самое важное!», – нередко упрекал себя гвардеец. Ведь отчасти оно так и было: с началом армейской службы его жизнь разделилась на «до» и «после». Где-то далеко … в туманной дымке воспоминаний о детстве и юности всплывали до боли знакомые картины родного Залесья и портреты его жителей, оба родителя, маленькая сестрёнка, дед с бабушкой и … И снова, будто наваждение, перед глазами Тимофея, как живое, появлялось нежное, улыбающееся лицо милой Марьюшки … «Почему я не открылся ей!? – в очередной раз спрашивал он у себя, и сам же себе твердо отвечал: – А как тут откроешься, коли она сама, без принуждения в мужья твоего побратима выбрала? Вот и весь сказ! Зря мне бабушка внушила мысль, мол, сердцу не прикажешь … Ещё как … ещё как прикажешь … Нельзя разрушать чужое семейное счастье своей блажью!».

И так день за днём, из года в год бравый гвардеец тщетно боролся со своими чувствами, не сумев забыть свою единственную, самую яркую детскую мечту. А, возможно, пока для Тимофея ещё не подошёл срок повстречать свою суженую, свою «половинку»? Только Бог знает ответы на все вопросы, а иной человек, прожив долгую жизнь, в своей душе так и не сумеет разобраться. Это уж, как кому на роду написано …

Что же касается Елизаветы Петровны, то и у неё пока не наступило такое время, когда проснётся и запоет её девичье сердце. Цесаревну нынче занимали совершенно другие проблемы. Душа её высочества требовала восстановления нарушенной справедливости! Уезжая в Москву из Санкт-Петербурга, она тщетно обыскала в Зимнем Доме покои покойной матери в надежде обнаружить в них тот самый, затерянный первоначальный вариант Тестамента на немецком языке, который обсуждался на семейном совете в присутствии голштинского адвоката Басевича. Лизетт знала твёрдо, что матушка Екатерина I не просто мечтала, но, как ей казалось, официально позаботилась, закрепив в Тестаменте свою волю, что именно её младшая дочка станет по законному праву наследования Российского Престола её преемницей. А после неё, как и хотел прозорливый Пётр I Алексеевич, наследником цесаревичем будет будущий сын Анны Петровны …

«Почему всё пошло иначе? Как они посмели ослушаться главной монаршей воли моих родителей?» – гневно в глубине души возмущалась Елизавета, твердо решив, что когда-нибудь разгонит эту боярскую шайку и весь этот их Верховный Тайный Совет из жалких и обнаглевших толстосумов, откровенно и не по рангу рвущихся к Трону.

Разумеется, всё происходящее, в особенности унижение бедностью, было для набиравшейся мудрости Елизаветы важным жизненным уроком. Но что бы ни случилось, она была твёрдо настроена: «никогда не сдаваться и пройти любые испытания».

Если бы только Елизавета Петровна могла знать в этот поздний час своих ночных размышлений, что Судьба намерена продлить её ожидания на целое предстоящее десятилетие …

***

Немецкая слобода, издавна шутливо прозванная простым народом «Кукуем», не то по названию здешнего одноименного большого ручья, впадающего в Яузу, не то из-за любимого

и часто произносимого немцами восклицания *«Gucken Sie*!», означающего по-русски слово *«Посмотрите!»,* со времён царя Алексея Михайловича являлась для москвичей местом диковинным. Ровные и чистые улицы, аккуратно разбитые ухоженные сады близ домов, построенных на европейский манер для своих семей приглашенными в Россию иностранными врачами, офицерами, разных дел мастерами, заметно отличались своим укладом, архитектурой и даже праздничными зрелищами от всех других жилых районов Первопрестольной. Здесь, на правом берегу древней и местами заболоченной Яузы, скрытой под толстым панцирем льда, с комфортом обустроился весь императорский двор, под который заботливый московский генерал-губернатор, князь Иван Фёдорович Ромодановский распорядился отремонтировать и подготовить сразу несколько больших особняков, включая бывший Лефортовский дворец[38].

Когда-то, ещё при двадцатилетнем, набиравшем силу царе Петре I, в этой резиденции проводились торжественные и роскошные по размаху приёмы заграничных послов, и званые обеды, устраивались пышные балы, проходили ставшие модными театральные представления. Теперь же по всем этажам основного здания и обоих флигелей, по открытым галереям дворцового комплекса зданий, готовясь к встрече молодого монарха и его свиты, суетливо бегали многочисленные лакеи. Им всем за счёт казны выдали новую штатную форму, украшением которой являлись нарядные ливреи, белые перчатки и парики по моде. Подготовка к приезду монарха подходила к завершению.

Князь Алексей Григорьевич Долгоруков, чтобы услужить молодому императору, любившему охоту более всех других развлечений, накануне привёл в порядок своё имение в подмосковных Горенках. В этой усадьбе Пётр II Алексеевич, спустя некоторое время, станет бывать чаще всего, принимая гостей именно в этом поместье. Со временем он и сам не заметит, как подружится и близко сойдётся с Екатериной Долгоруковой. Тут же, никуда не выезжая, будет издавать указы, подписывать государственные документы. И настолько сблизится с Иваном Долгоруковым, что дозволит своему новому обер-камергеру вместо себя подписывать важные государственные бумаги. При этом фаворит научится копировать почерк и подпись государя так, что вскоре его «подделку» невозможно будет отличить от оригинала.

К огорчению сестрицы Натальи, тётушки Елизаветы и учителя Остермана, царь предпочтёт «уроки» коварного дебошира, развратника и забулдыги важным урокам, жизненно необходимым для государя. Словно «зачарованный», его императорское величество Пётр II Алексеевич всё реже станет интересоваться важными государственными делами и новостями. Он без должного внимания оставит полученное Верховным Тайным Советом известие с Камчатки из долгой Первой экспедиции, поступившее в Москву от капитана Витуса Беринга. Выдающийся русский мореплаватель, заявив всему миру о сенсационном географическом открытии пролива между Азией и Америкой, предложит выгодно торговать с американскими купцами и промышленниками, начать освоение богатых полезными ископаемыми недр Сибири. Поскольку географией *«царь-ребёнок»* совсем не интересовался, все инициативы Беринга будут отложены *«до лучших времён»*.

Именно в Головинском дворце[39], находившемся напротив Немецкой слободы за рекой Яузой, теперь регулярно проходили заседания Верховного Тайного Совета. Присутствие столь близко своих недругов из клана князей Долгоруковых Елизавета ощущала особенно остро, ибо постоянно находилась под их непосредственным надзором. Тогда-то у неё и появилась

---

[38] Лефортовский дворец в Немецкой слободе, на правом берегу Яузы, был построен в стиле «московского барокко» под руководством «каменных дел мастера» Дмитрия Аксамитова, подарен сподвижнику Петра I Францу Лефорту за взятие Азова. Но Лефорт прожил здесь около месяца, так как скончался в феврале 1699 года. Здание перешло в казну. В 1707 году Пётр I Алексеевич подарил дворец Александру Меншикову, который существенно перестроил здание. После опалы Светлейшего князя Лефортовский дворец снова перешёл в казну. Сегодня здесь располагается РГВИА и ведется реставрация, чтобы превратить исторический особняк в музей Тропинина с выставочным пространством.

[39] А позднее и торжества по случаю коронации императрицы Анны Иоанновны, называвшей Головинский дворец «Анненгофом».

странная привычка в целях своей безопасности ночевать в разных комнатах дворца, постоянно изменяя место своего нахождения. Любопытно, что завистливый князь Алексей Григорьевич Долгоруков для осуществления своих далеко идущих планов уже задумал переселить мешающую ему цесаревну куда-нибудь подальше от Императорского двора, а в её покоях разместить свою старшую дочку, княжну Екатерину с прислугой. Так бы он «убил сразу двух зайцев»: во-первых, удалил бы тётушку подальше от глаз императора по известному принципу: «Разделяй и властвуй!». А во-вторых, предоставил бы своей Катеньке больше возможностей для встреч и общения с юным монархом, которого уже прочил ей в женихи.

Ещё с XVI века подмосковное село Покровское-Рубцово (Рыбцово) с многочисленными деревянными хоромами и теремами, знаменитыми прудами и фруктовым садом, кирпичными погребами, столовой палатой, конюшенным, скотным, житным, птичьим дворами и прочими хозяйственными постройками, необходимыми для обслуживания Двора в летнее время, являлось царской вотчиной рода Романовых. Был здесь даже зверовой двор, где держали охотничьих собак, ловчих птиц, а некогда и дрессированных медведей для пущей потехи. Как-то в Покровском перезимовали даже привезённые из Персии слоны. Построенная там церковь Покрова Богородицы окончательно закрепила за селом название «Покровское».

После смерти Екатерины 1 деревянный дворец в пригороде Первопрестольной вместе с имением, крепостными крестьянами и сельскохозяйственными угодьями отошли по наследству к Цесаревне Елизавете Петровне. Но дом и прилегающие к нему строения со временем изрядно обветшали и нуждались в ремонте. Требовались затраты из казны, а также согласие на финансирование проекта реконструкции от всех членов Верховного Тайного Совета, включая главного скрягу канцлера Головкина. Пока Елизавета Петровна даже не догадывалась о том, что её искреннее желание покинуть Головинский дворец и поселиться в более спокойном и уединенном местечке, совпало с намерением её недругов. Будучи человеком наблюдательным и вдумчивым, принцесса уже обратила внимание, что Долгоруковы всё чаще приглашали монарха погостить и поохотиться в их имении Горенки, куда с недавних пор дорога Цесаревне, как, впрочем, и всем знатным особам женского пола, кроме княгини Екатерины Долгоруковой, была заказана. Поначалу это обстоятельство Петрову дщерь вовсе не удручало и даже не настораживало. В Москве у красавицы, любившей заячью и соколиную охоту и подвижный образ жизни, появилось немало новых поклонников, с которыми она с радостью скакала верхом по полям, будучи лихой наездницей. Словно серебряный колокольчик, её звонкий смех доносился до распахнутых окон ближайших дворцов и дорогих особняков местной знати, вызывая всеобщую зависть и раздражение в связи с независимым поведением «Венеры».

Прослыв главной модницей Санкт-Петербурга, Елизавета теперь с присущим ей вызовом чопорному московскому обществу блистала своими сногсшибательными нарядами и драгоценностями, успевая переодеваться по два и даже три раза в день. А уж какое блистательное платье, на которое ушло более восьмидесяти аршин[40] зелено-золотистой парчи, – с длинным шлейфом по новой моде, роскошной широкой юбкой и изящно утягивающим и без того тонкую талию корсетом, пошили ей к коронации племянника! Что ни говори, а удивлять публику Елизавете нравилось более всего на свете. Она жила свою жизнь и дорожила каждой минутой своего существования, стараясь меньше вспоминать прошлое и мечтать о призрачном будущем …

… Как жаль порой, что никому из смертных, включая особ королевской и царской крови, не дано наперёд знать своей Судьбы. Только Богу она известна, и именно Он назначает исполнителя Своих планов, того, кто способен с молниеносной быстротой и силой духа, раскрыв свои физические и духовные способности, сослужить великую службу, доверенную ему Самим Творцом ... Не только Елизавета, но и кавалергард Лебедев, готовясь к предстоящей корона-

[40] Аршин равен 0, 7112 метра

ции молодого императора, не подозревали, что в их жизни уже наметился очередной крутой поворот …

Глава вторая
Новая судьбоносная встреча Тимофея с Татищевым и Бутурлиным

«… вспомните прежде бывшее, от начала века, ибо Я Бог, и нет иного Бога, и нет подобного Мне. Я возвещаю от начала, что будет в конце, и от древних времён то, что ещё не сделалось, говорю: Мой совет состоится, и всё, что Мне угодно, Я сделаю... Я воззвал орла от востока, из дальней страны исполнителя определения Моего. Я сказал – и приведу это в исполнение; предначертал, – и сделаю».
Книга пророка Исаии, Ветхий Завет, глава 46, стихи 9 – 11

***

Подготовка к предстоящей коронации, официально назначенной и объявленной на 25 февраля, близилась к завершению. Причём, в истории патриархальной Руси это была первая императорская коронация «по установленному чину», но с учётом традиций и опыта ведущих европейских держав. К традиционным императорским регалиям (подбитой горностаем мантии, державе, скипетру и короне) были добавлены: трехцветный Флаг царя Московского, с вышитым золотым двуглавым орлом посередине[41], царские меч, печать и алмазная цепь главного российского Ордена Святого апостола Андрея Первозванного. В церемонию был также введен 100-тый псалом, который сводный церковный хор должен был исполнить сразу при входе императора в Успенский собор.

На торжества в честь венчания на царство родного внука Петра Великого в Москву приехало несколько тысяч гостей. Разумеется, относительно небольшой главный зал Успенского собора такое количество желающих не мог вместить. Тогда организаторы приняли решение, что Государь может вести официальный приём гостей по живой очереди, для чего специально подготовили несколько помещений. После обсуждения вельможи дружно остановились в своём выборе на отдельно стоящем в историческом центре здании Грановитой[42] палаты. Там же запланировали устраивать представительные обеды.

Члены Синода в своём донесении Верховному Тайному Совету сообщали, что ими было принято решение: для поздравления коронованного государя изготовить особенную икону с изображением святого апостола Петра, которую исполнил искусный художник-иконописец Андрей Меркульев, чей замысел превзошёл все ожидания. Мастер живописно начертал образ Спасителя, вручающего святому апостолу Петру символические ключи Царствия Небесного …

---

[41] Флаг царя Московского – исторический артефакт, связанный с зарождением Российского Триколора и дошедший до нашего времени. Представлял собой прямоугольное полотнище из трех равновеликих полос белого, синего и красного цвета. В отличие от аналогичных флагов, установленных при Петре I на торговых судах, парадное гербовое знамя, появившееся ещё при царе Алексее Михайловиче, имело в середине по синему цвету золотую вышивку двуглавого орла под тремя коронами со скипетром и державой. На груди орла в щитке «царь на коне колет копиём змия». Ниже орла – вид Московского Кремля и надпись: «Москва».

[42] Восточный фасад здания Грановитой палаты, который выходит на Соборную площадь, облицован особенным белым камнем. Каждый отдельный блок был обтесан так, чтобы у него имелись четыре грани. Этот приём в архитектуре называют «гранёным» или «бриллиантовым» рустом. В солнечные дни игра света на гранях фасада начинает особенно переливаться, словно стены отделаны драгоценными камнями. Оттого роскошный особняк с красивым высоким крыльцом в русском стиле назван «Грановитой палатой».

Сам Успенский собор, чтобы вместить как можно больше гостей, был переоборудован в многоярусный амфитеатр, с несколькими рядами идущих полукругом галерей и пронумерованными креслами. Типографией были выпущены пригласительные билеты двух видов. На приглашениях первого класса для придворной элиты было написано: *«С сим билетом входить в Грановитую палату и в церковь»*. На билетах второго класса для вельмож рангом пониже стояла надпись: *«С сим билетом входить в церковь»*. Для Синода были отпечатаны отдельные приглашения. Духовные лица получили право входа, как в Успенский собор, так и в Грановитую палату.

В день коронации с девяти часов утра по Москве разливался колокольный звон, звучали залпы ружейного и пушечного салютов, производимые войском свыше четырёх тысяч солдат и офицеров, построенных рядами на Ивановской площади Кремля. Для народа на улицах приготовили длинные столы с богатыми закусками и оборудовали многочисленные фонтаны с вином и крепкой настойкой.

В центре Успенского храма расположился роскошный, украшенный золотой вышивкой, галунами и бахромой балдахин из красного бархата посредине с троном для монарха. Кресло трона было покрыто тоже красным бархатом и украшено крупными драгоценными каменьями, сверкавшими искрами и разноцветными лучами в свете сотен свечей.

Седовласые вельможи стояли перед императором со склонёнными головами. Позади государева трона находились генералы армии, президенты всех государственных коллегий.

По обе стороны трона находились фаворит Петра II, князь Иван Долгоруков, который вскоре после въезда в столицу был произведён в придворный чин обер-камергера, и барон Андрей Остерман. Он же – наставник императора Остерман под песнопение и молитвы архиепископа Новгородского Феофана Прокоповича принёс со стола и возложил на плечи его величества подбитую мехом горностая церемониальную парадную порфиру – темно-красную длинную мантию как символ власти.

Эта порфира также была изготовлена к церемонии коронации для Петра II из дорогого парчового глазета[43]. Богатая накидка закреплялась на плечах юноши специальными серебристыми шнурами с кистями. Посередине, как раз по центру спины монарха, был вышит большой государственный герб Российской империи, вокруг которого символически размещалась Андреевская цепь, искусно вышитая плотными золотыми нитями. В области груди порфиру украшал Московский старинный герб …

Произнеся торжественную молитву, архиепископ Новгородский Феофан Прокопович с благословением возложил Российскую императорскую корону на голову юного монарха. Затем Пётр Алексеевич взял в руку скипетр, после третьей молитвы принял державу. Церемония коронации проводилась по всем правилам и сопровождалась торжественным богослужением с благодарением Богу, колокольным звоном и звуками салюта, раздававшимися с площади рядом с Успенским собором.

В левой стороне храма за троном были отведены места для иностранных послов и министров, городских и провинциальных депутатов дворянских собраний, многие из которых пришли на праздник вместе с жёнами. Рядом с алтарём разместились гетман и командиры казачьих частей. Благодаря стараниям организаторов коронации в маленьком зале Успенского собора довольно комфортно разместилось более пятисот человек.

Как всегда, бледный молодой коронованный государь Пётр II Алексеевич в этот день выглядел дивно. Будто все эти пышные торжества, организованные в его честь, связаны были

---

[43] Глазет (glace, т. е. «блестящий» – *франц. яз.*) плотная ткань с золотым отливом из-за особого переплетения нитей – самая дорогая разновидность парчи, которая отличается богатым, насыщенным рисунком. В XVIII веке шёлковый парчовый глазет приобрёл ещё одно название – брокатель по названию сложной техники вышивки «брок». В это время ткань стала особенно популярной у сановников и высшего церковного духовенства, из неё шили церемониальную одежду (камзолы, дамские платья, облачение для церковных служителей), а также создавали дорогие дворцовые интерьеры.

не лично с ним, а с его бестелесным духом. А сам он – отрок Пётр, будто наблюдал вместе со всеми за происходящим со стороны.

Мальчик-царь, которому шёл тринадцатый год, по привычке для поддержки среди гостей отыскал родные лица. Государыня-бабушка Евдокия Фёдоровна, сидя рядом с Натальей и Елизаветой по правую руку от трона на самых почётных местах, то и дело трогательно вытирала кружевным платочком слёзы счастья, а, встретившись глазами с любимым внуком, посылала ему в воздухе троекратное крестное знамение, означающее её личное благословение молодому императору ... Ближайшие и самые любимые люди в этот день были рядом и разделяли торжество и духовное величие праздника, в дальнейшем на сотни лет заложившего главные монархические традиции Российской империи…

Коронация сопровождалась пожалованиями. Милостью государя были обласканы многие подданные. Одни были повышены в чинах, другим вручили ордена и дворянские титулы. Кому-то за верную службу подарены имения ... В частности, губернатор Санкт-Петербурга Миних был возведён в графское достоинство. Василий Владимирович Долгоруков и Иван Юрьевич Трубецкой Высочайше произведены в генерал-фельдмаршалы …

Вечером того же дня Москву раскрасили иллюминации. На улицах было светло, как днём.

Все эти торжественные мероприятия сильно впечатлили кавалергарда Лебедева, который в момент коронации нёс караул прямо у императорского трона. Отсюда, с высоты, ему, как на ладони, были видны все присутствующие. С особенным интересом он рассмотрел весёлую стайку из восьми маленьких арапчат, забавно глазевших по сторонам, и отметил традицию следования придворной моде. «Интересно, какая судьба ждёт этих чернокожих мальцов?» – невольно вздохнув, гвардеец в этот момент подумал об Абраме Петровиче Петрове, героическом и просвещённом крестнике Петра Великого, по немилости Меншикова, который уж год находившемся в Сибири ...

Внимательный Лебедь долго разглядывал студентов и преподавателей Славяно-греколатинской академии, облачённых в специально пошитые к празднику белые камзолы и белые плащи. Все они были в париках, с лавровыми венками на головах, каждый держал в руках пальмовые ветки. Красивое зрелище усиливало их участие в многоголосом церковном песнопении. Под сводами собора голоса звучали особенно вдохновенно …

Тимофей вдруг вспомнил Марьюшку, деревенский хор в Свято-Троицком храме. И словно услышал её необыкновенно нежный и трогающий душу голос. Голова у кавалергарда закружилась от желания запечатлеть увиденное. Отвлекаясь на мысли о происходящем, подумал о том, что многим нелегко быть в духоте от большого скопления людей и горевших свечей …

Через некоторое время народ потихоньку стал выходить из храма. Церемония завершилась. «А, где же Елизавета Петровна?», – вдруг вздрогнув, подумал поручик Лебедев, но тотчас успокоился, услышав рядом её озорной смех.

– Что? Всё же потерял меня из виду?.. А тебе, *Лебедь*, голубая кавалергардская форма ещё больше к лицу, чем красный гвардейский мундир царской конницы …

– Ваше Высочество, нашли место и время, чтобы в прятки играть! – слегка пожурил он красавицу.

– А у меня для тебя, сюрприз приготовлен! Скорее пойдём!..

Елизавета Петровна проворно устремилась на полшага впереди него и вскоре остановилась возле представительного и седовласого вельможи, в котором Тимофей узнал самого Василия Татищева. От неожиданности и без того взволнованный офицер потерял дар речи. А Василий Никитич – основатель исторической науки в России, один из самых радеющих основоположников Уральских металлургических заводов, советник Монетной конторы, вежливо улыбаясь, с интересом смотрел на рослого и красивого, словно Аполлон, офицера.

– Вот, Василий Никитич, с удовольствием представляю тебе поручика Лебедева. Хорош богатырь, не правда ли? – Елизавета деликатно отошла на шаг в сторону.

– Ну, здрав будь, Тимофей! Давно слежу за твоими успехами в военной карьере и радуюсь, что не ошибся. Неделю назад гостил в имении у генерала Бутурлина, вместе вспоминали тебя добрым словом.

Худенький и по-прежнему суховатый телом Татищев с удовольствием ещё раз снизу-вверх окинул взором могучую фигуру красавца кавалергарда.

– Знаю, что сложно тебе ориентироваться в дворцовых кулуарах. Но поставлен ты, братец, на самый что ни на есть нынче главный рубеж – как зеницу ока, беречь младшую дочь покойного государя Петра Алексеевича. Положено ей быть на Российском Престоле, как и мечтал её августейший родитель. Но неведомо никому, сколько ещё времени потребуется, чтобы сбылась его заветная мечта. Впрочем, одна уже точно свершилась. Мне Елизавета Петровна рассказала про рождение в Киле сына у Анны Петровны. Глядишь, и ему по судьбе когда-то суждено будет стать наследником Российского Престола, как завещал дед-император. С Божией помощью преодолеем и другие проблемы. Что скажешь, поручик?

Оглянувшись на улыбающуюся и счастливую Елизавету, Тимофей чуть нагнулся поближе к уху Татищева и рассказал ему, как на духу, что замышляют Долгоруковы сослать принцессу в монастырь, ибо Петрова дочка мешает их далеко идущим планам. А молодой император, дитя несмышлёное, многого пока не замечает, ибо действуют князья хитро и сообща, более продуманно, чем Меншиков. При этом жизнь Елизаветы становится похожей на прозябание убогой нищенки. Катастрофически не хватает денег даже на самое необходимое. Как помочь принцессе, он не ведает и потому просит совета у друзей её отца, раз представился такой случай.

– А как поживает второй мой протеже в преображенцы? – неожиданно спросил Татищев.

Тимофей понял, что Василию Никитичу понадобилась пауза, чтобы обдумать услышанные тревожные новости о нынешнем положении цесаревны. И спокойно ответил:

– Афанасий Служит … Ближайшие восемь дней, пока будут длиться праздники в Москве, я должен по службе находиться в кавалергардской роте при государе. А потом, с началом весны отправлюсь на встречу с ним. Он теперь сержант в гренадёрской роте Преображенского батальона у майора Михайлы Андреича Буженинова …

– Вот-вот. Ты и цесаревну Лизавету с собой пригласи. Да и мне обязательно нужно кое с кем встретиться, потолковать. Иван Иванович Бутурлин ждёт нас всех в своём родовом имении в селе Крутец. Там и построим сообща дальнейшие планы. Поедете туда тайно, чтобы не знала больше ни одна живая душа. А уж в собственной вотчине доблестный генерал в обиду её, голубушку нашу, никому не даст.

– Понял вас, Василий Никитич. Рад, что её высочество может получить помощь от верных друзей отца своего.

– Сохраним дело Петрово, и дочери его откроем дорогу к Российскому Престолу! Достойная смена нам подходит … Чтобы ни случилось, в самом скором времени мы должны быть готовы к встрече с любыми неожиданностями …

Чуть кивнув Тимофею, Татищев тут же вежливо попрощался с цесаревной и покинул храм …

***

Подмосковная весна совсем не та, что в Санкт-Петербурге! Тут солнце светит ярче и греет жарче! Да и сама природа уже в марте просыпается от зимней спячки вальяжно и улыбчиво, без надсадной северной дрожи и озноба от пронизывающего сурового северного ветра. Весна в московских землях – Божия благодать! Первые перелётные птицы и те, будто веселее и радостнее, спешат к местам гнездований, дни и ночи напролёт неустанно галдя о счастье возвращения в родные края!

«Родина!.. Она ведь, что для человека, что для малой птахи, для каждой доброй души – всегда дороже любой, самой приветливой и богатой чужбины!» – рассуждал кавалергард Лебедев, глядя, как споро и неустанно скворцы в Лефортовском парке собирают мелкие ветки, солому и пух. А то и нагло воруют с оглядкой мох из деревянных подсобных строений …

«Хорошо тут у нас! Тепло душе и телесам! Вот бы всякий человек мог счастливо жить там, где душа его радуется! – думал гвардеец. – К примеру, старые люди говорят: «Где родился, там и сгодился». А на самом деле, так не всем удаётся. Вон, как мне тут хорошо и радостно! Тут у нас вон берёзы – белые, высокие и ровные, словно невесты! А в Санкт-Петербурге – совсем другие. Там они будто хворые с детства! И стан у них неровный, и сарафан, будто золой присыпан! Там сосны да ели растут привольно. Во влаге и прохладе ели там, как свечки ровные друг перед дружкой к солнцу тянутся … А дубы-то наши, подмосковные каковы! Дубы-исполины! Да и липы хороши! А летом покроется такая красавица цветом, как золотой накидкой, аромат за версту слыхать! И уж сирень!.. Тут тебе и розовая, и белёсая, и бордовая – свекольного цвета! Соцветия пушистые, крупные, точь-в-точь, как шапки меховые! А аромат!.. Бог мой, как же добра и тепла наша землица родная! Душа так и трепещет от приятного волнения! Каждый муравей, каждый воробей, будто тебе на родной земле рад-радёхонек» …

Искреннее чувство любви переполняло душу Тимофея, которая, казалось, вот-вот выпорхнет яркой пташкой из могучей груди его навстречу миру с весёлым ликованием, смехом, плачем... И побежит он, удалой молодец, с этой безудержной радостью по изумрудно-травному берегу Яузы, что есть силы, куда глаза глядят …

– О чём мечтать изволишь, Лебедь Белый? – опять незаметно подойдя, спросила Елизавета Петровна своего телохранителя.

– Виноват, Ваше Высочество! Не услыхал Вашей лёгкой поступи! – вытянувшись, ответил Тимофей. – Смотрю, вот, как скворцы гнёзда свои мастерят, а сороки наперебой трещат, стало быть, советуют, как лучше…

– Вот как! Прямо так и советуют? – рассмеялась Елизавета. – Забавный ты, Лебедь! Добрый! Всякую мелочь вокруг примечаешь. Пойдем-ка, пройдёмся вон до того дерева … поговорим без лишних глаз и ушей.

– Как прикажете, Ваше Высочество! – с готовностью ответил Тимофей и пошёл вслед за Елизаветой.

– Решила я окончательно после разговора с Татищевым важное дело тебе доверить, пришла пора! Да вот, чтобы его исполнить, надобно тебе надёжного и верного помощника сыскать… Коли кратко, то поедешь с моим письмом в далёкие края, в сторону китайской границы. Туда лучше отправляться в холодное время, потому как по санному пути, да через замерзшие реки передвигаться сподручнее. В той стороне снег долго крепок, до мая порой лежит. Но пока что есть время, чтобы подготовиться, всё успеешь. Есть ли среди моих слуг кто надёжный, кого предложить готов?

С удивлением взглянув на Великую Княжну, поручик Лебедев ей ответил:

– Елизавета Петровна, благодарю за доверие. Я понял, куда Вы хотите меня отправить. Один из моих самых близких товарищей – ротный командир в Лейб-регименте, капитан фон Штольц в составе полуторатысячного войска отбыл почти три года назад во главе кавалерийского отряда. По приказу Вашей покойной Матушки-государыни Екатерины Алексеевны сопровождать и охранять Китайскую дипломатическую миссию графа Рагузинского, которого она назначила послом в империю Цин. Барон тогда устроил по этому поводу прощальный вечер у себя на квартире. А я у него как раз проживал. Помнится, мы вместе по карте рассматривали весь маршрут экспедиции из Санкт-Петербурга в Москву, а затем до Кяхты. Куда и как добираться, мне ведомо …

– Верно подумал. А что ещё добавить хочешь? Пишет ли тебе твой товарищ?

– Всего два письма было … Коли в Сибирь собираться, то нужно как можно быстрее достичь Тобольска и Иркутска, пока ещё на их главных реках крепкий лёд лежит, по рекам путь короче будет и быстрее. Давно уж не получал от Александра никаких известий. Только известно мне, что прибыли они в Селенгинский край на почти безлюдное, пустое место. Там рядом с нашей границей проживают монгольские, тунгусские и бурятские племена, обликом на татар похожие. В помощь нашим первопроходцам вскоре добавились забайкальские казаки. И несколько казачьих отрядов Савва Лукич Рагузинский сумел сформировать из инородцев. Так что с благословения Вашей матушки быстро строится крепость Троицкосавск с большим православным собором в честь Святой Троицы. Я хорошо это запомнил, потому как в моём родном Залесье тоже храм Святотроицкий всем миром возвели, одинаковое название … Ну и ещё знаю, что за короткий срок заключил Савва Владиславич с китайским соседом целых два договора.

– Вот как! А, что ты про эти договоры знаешь? – заинтересованно спросила Елизавета.

– А, вот, по памяти … *«Договоры Буринский и Кяхтинский, они уточнили линию границы между Российской Империей и Империей Цин. Они сиречь основа сотрудничества и торговли между нашими державами»*. Стало быть, если Вашему батюшке удалось прорубить «окно в Европу» на Балтике, то матушка Екатерина Божией волею и радениями графа Рагузинского отворила России «ворота в Азию». При этом, как написал Александр Штольц, наш посол оказался настолько талантлив, изворотлив в переговорах и умён, что оба приграничных трактата с Цинской империей подписал без военных действий в пользу русских! Да … вот ещё вспомнил. Александр ещё написал, что был удивлён, когда повстречался с военным инженером Абрамом Петровым. Большой он специалист в области геодезии, топографии и фортификации. Стало быть, во всем помогает Рагузинскому …

Елизавета с большим интересом слушала кавалергарда. Задумавшись на минуту, она сказала:

– Воистину тесен мир! Нам с сестрой отец рассказывал, как Савва ему в подарок выкупил на невольничьем рынке в Константинополе четырёх арапчат и привёз их в Санкт-Петербург. Так вот среди этих чернокожих мальчиков и были, Абрам с братом … Абрама Петрова помню с детства. Позже он у нашего племянника Петра Алексеевича в учителях ходил, пока не попал в опалу Меншикова, тот и отправил его сгоряча в Сибирь. А теперь вот и сам светлейший князь там оказался. И поделом! Думаю, что надо вызволять из тех суровых мест Абрамку, да и всех верных помощников батюшки моего. Тем более что почтенный Савва Лукич со своей миссией отменно справился, пришла пора и другим потрудиться во славу империи.

– Согласен с Вами, Ваше Высочество! Каково арапу в Сибири! И русскому-то тамошние морозы не каждому для здоровья возможны. А он – в тепле Богом жить сотворён. Александр мне писал, что тяжко там жить в трескучих морозах, когда кипяток враз в лёд превращается. А Абрам Петрович, упорный, помогал графу Рагузинскому в установке пограничных маяков. Потому, как только у него оказались нужные инструменты, включая астролябию. Сама покойная императрица Екатерина Алексеевна велела их Абраму Петровичу направить, в ответ на его личную просьбу.

– Про это я знаю. А, что ещё тебе известно про их дела?

– Да, не особо много Штольц писал, но всё-таки картина мне понятная. Там казаки и гвардейцы под инженерным руководством Абрама Петрова и по ланд-картам[44], составленным нашими офицерами-картографами действовали. Особо все отличают Скобельцева, Баскакова и Шетилова. О каждом из них мне капитан кратко тоже писал. Самоотверженный народ, русские военные, да ещё и досконально знающие своё дело. А ещё сам Витус Беринг сделал

[44] «Ланд-карта» – устаревшее название географических карт, производное от немецкого слова Landkarte («земля» и «карта»).

доброго немало. Его пояснения и советы там особо пригодились. Он, когда добирался через сибирские земли на Камчатку, всё примечал и записывал. А потом поделился в письмах с Рагузинским своими наблюдениями. Вот и вышло на деле, всё по уму. Любую границу ведь важно не только установить вдоль территории и обозначить на документах, её же ещё и охранять надо!

– Правильно рассуждаешь! – внимательно взглянув на своего верного обережного, и, задержав на мгновение взгляд, сказала Елизавета. – Молодец! Не ошибся в тебе Татищев … Внимательный ты, Лебедь! Да и память у тебя и взаправду особенная! Мне это и надобно! Так, говоришь, Савва Лукич мудрые шаги предпринял и в этом направлении. А, что же он сделал? Что на сей счёт твой Штольц пишет?

– Спасибо на добром слове, Ваше Высочество! Рад стараться! Ну, он только написал, что Савва Лукич – сообразил правильно, вняв совету капитана Беринга, тут же привлёк к охране российской демаркационной линии бурятов и тунгусов, взяв их на службу. А там уж и казаки прибыли … Ваше Высочество, вдруг обратился Тимофей, подав руку Елизавете, приготовившейся перешагнуть небольшой сугроб снега, шумно свалившийся с дерева на тропинку. – А можно так устроить, чтобы и барон фон Штольц тоже потом обратно вернулся из Сибири? Три года уж там …

– Об этом и обо всём другом будем думать и решать, когда соберёмся в сельце Крутец, в имении генерала Бутурлина, вместе с Татищевым. Я согласна с тобой, в Сибирь нужно отправляться, как можно скорее … – слегка сощурившись, Елизавета Петровна внимательно посмотрела на своего телохранителя.

– Ваше Высочество, раз такое дело, то дозвольте в подручные моего верного товарища, друга детства взять? Он тут, в Московском батальоне у преображенцев служит. Я как раз сам хотел предложить Вам вместе прокатиться верхом в любимую Вашим покойным батюшкой резиденцию. А потом проедем в усадьбу к генералу Бутурлину. Но всё нужно сделать тайно.

– Покажи мне товарища своего! – вдруг сказала Елизавета, нетерпеливо взглянув на гвардейца. – Это его имя упоминал Татищев после коронации племянника?

– Так точно! Василий Никитич нас обоих в преображенцы рекомендовал. Оттого и спросил у меня про Афоню Сурнова. Извольте, Ваше Высочество! Тут, если напрямки, до Преображенского на конях совсем близко! За пролеском как раз … Вон церковь отсюда полковую видно … – Тимофей лишь взглянул в сторону Солдатской слободы, не показывая более никаких знаков, раз Елизавета опасалась чужих глаз и ушей.

– Что ж, прокатимся … Вели приготовить коней! – она свернула в сторону конюшни …

– Слушаюсь! – ответил Тимофей и ровным шагом направился к конюшему[45].

Удостоверившись, что Его Императорское Величество Петр II Алексеевич только под утро вернулся из подмосковного имения Горенки князей Долгоруковых, где гостил несколько дней, увлекшись псовой охотой и другими мужскими забавами, а нынче всё ещё почивать изволил после сытного завтрака, Елизавета уверенно вышла во двор. Она не хотела, чтобы кто-то знал про предстоящую поездку в Преображенское. Поэтому заночевала не в Александровской слободе, а в императорских покоях племянника. От Лефортовской резиденции до батальонных казарм и приказной избы майора Михайлы Буженинова было рукой подать.

Воспользовавшись помощью Тимофея, цесаревна вспорхнула на своего иноходца. Через пару минут они уже мчались рысью вдоль берега Яузы, насколько хватал взор от Лефортовского дворца, а затем, преодолев мост, направились в расположение воинской части.

– Здравствуйте, Ваше Высочество Елизавета Петровна! Да как же так! Вот радость! Не ожидал, не смел и надеяться! А Вы – как снег, на голову! Вот она, дочь Великого Петра! Как и он, император наш, без всякой церемонии, бывало, в гости наезжал! Слава Те, Гос-

[45] Конюший – устаревший придворный чин (должность), едва ли не самый престижный, давался только самым любимым и заслуженным людям из бояр, в ведении которых состояли царские конюшни.

поди! Радость-то мне, какая, и честь особая! – совсем было в первые минуты, растерявшись, а затем, украдкой смахивая слезы благоговения и счастья, с волнением говорил гвардии майор Михайло Андреевич Буженинов …

– Здравствуйте, здравствуйте! Давно хотелось нам посмотреть на сии места! Батюшка покойный часто вспоминал про свои детские забавы… А тут и плац, и церковь, и любимая бабушкина хоромина всё ещё стоит, цела и невредима, и её пруды, и сады на месте. Представляю, как здесь летом мило! Всё хочу обойти … Но для начала, любезный Михайло Андреич, извольте показать ваши тайные приказные избы … – задорно и просто предложила Елизавета. – Ах, да! Со мной поручик … мой обережный, ваш бывший служивый Тимофей Лебедев. Надобно ему своего товарища найти. Велите помочь ему в этом.

– Сей момент, Ваше Высочество! Рад, по-отечески рад и горд видеть нашего Лебедева с Вами! – кивнув Тимофею по-дружески, сказал Буженинов. – Правильный выбор! Верный и умелый, достойный малый! Помню его! Человек надёжный.

– Я знаю! – ответила Елизавета.

– Ваше Высочество, дозвольте отлучиться! – обратился Тимофей к цесаревне и, получив безмолвное разрешение кокетливым кивком головы, тут же отправился с ординарцем майора на плац, где своим чередом шли занятия с новобранцами…

***

Как же приятно после долгого отсутствия возвращаться в знакомые места! Даже звуки, доносившиеся со всех сторон, будь то громко сказанные команды унтер-офицеров, топот солдатских сапог, строевая песня первогодков или сигналы полковых труб, – всё было для Тимофея в радость. Проходя мимо того самого амбара, где они несколько суток сидели с Афоней под арестом и от обиды сетовали на судьбу-злодейку, Тимофей невольно замедлил шаг. Помещение было не заперто, что наводило на мысль, что там никого нет. Тимофей с нетерпением распахнул двери настежь, всматриваясь в полумрак. Когда глаз привык к слабому освещению, кавалергард улыбнулся. Тот самый портрет Буженинова, который он – тогда новобранец нацарапал угольком на стене, всё ещё был на месте …

«Знать, не осерчал на меня Михайло Андреич за мои художества!» – обрадовался Лебедь и поспешил на плац. Ещё издали, со спины он узнал друга детства и побратима Афонасия Сурнова. Тот отрабатывал в паре приёмы рукопашного боя, и, как всегда, будучи в азарте, не скупился на безобидные ругательства …

– Да что ж ты за бестолочь! С подвывертом, тебе говорят, и через плечо!.. Ну, кто ж так через себя-то бросает! Дурень ты, Ванька! Ой, дурень! Так спину сорвать в един момент можно! Исподволь надо! Как мешок с отрубями! Понял? Вот, гляди!..

Рослый гренадёр тут же снял с себя мундир и, оставшись на морозе в исподней рубахе, засучил рукава, обнажив волосатые крепкие руки до локтей. Затем медвежьей хваткой сграбастал напарника, того самого непонятливого Ваньку. Легко перекинув его через плечо, удерживая за руку, ласково уложил перед собой на лопатки.

– Вот так! Понял? Ну, а как уложишь противника своево, тады можно и локтём ему грудину зашибить. А можно и вовсе убить, ежели в гортань ударить … – объяснял он молодому служивому, вытиравшему рукавом рубахи пот с лица …

– Ага, понял! Я так и делал! Коли бы он не такой тяжеленный был, я б его уж давно завалил! – спроста признался Ванька.

– Не такой тяжеленный! На войне, брат, тебе не будут подбирать по ранжиру, по весу, да по жиру! Кто попадётся, того и валить надо, пока он тебя сам не уложил! Давай, ещё разок! – распорядился богатырь, опуская рукава и надевая мундир …

– Здрав будь, дорогой Афанасий Антипыч! – подойдя, спокойно сказал Тимофей.

– Здорово! – нехотя взглянув на гостя и вдруг признав в нём своего лучшего друга Тимофея, Афанасий растерялся на мгновение. Проморгался, не веря глазам, поведя головой назад и сдвинув брови, снова присмотрелся и тихо, будто с трудом, произнёс с детства известное имя:

– Тимоша! Тимофей! Неужто ты? Брат! Душа ты моя, светлая! – богатырь, широко расставив руки, шагнул навстречу элегантному кавалергарду и остановился, будто в последний момент, побоявшись замарать красивый мундир дорогого сердцу побратима.

– Афоня! Товарищ мой дорогой! Медведь ты наш Лутосненский! Здорово, родной! – Тимофей первым обнял и крепко прижал к себе растерянного товарища, обхватив его поверх рук …

– Тимоша! Люба моя! Брат! Мать Царица Небесная! Вот так встреча! Ядрена Матрёна! Вот так кум королю! Тимоша! – Афанасий, придя в себя, схватил друга, поднял, закружил, поставил на землю и снова поднял …

– Афонька, не балуй! Отпусти ты меня, люди ж смотрят! – хохоча и пытаясь высвободиться добром из крепких объятий друга, сквозь смех кричал Тимофей …

– Заломает, как пить дать, заломает! – рассуждал молодой гвардеец первогодка, недоверчиво и сочувствующе наблюдая за своим наставником по рукопашной борьбе …

– Ты глянь, Ванюшк, наш-то – как дитё неразумное. Во даёт! Занянчил барина! Я вот говорил тебе, к нему в лапы лучше не попадаться! – тихонько предупредил молодого преображенца его напарник по борьбе.

– И не говори! Каждый раз боязно, думаю, как бы он меня не прибил, когда приёмам обучает! Пойдём в сторонку покамест! – Иван взял подошедшего гренадёра за рукав и с оглядкой на Афанасия отвёл в сторону, на всякий случай…

Меж тем, первые эмоции от долгожданной встречи чуть улеглись, и Афанасий, усадив Тимофея на дубовую лавку, сел напротив него на корточки, по-собачьи верно глядя на своего лучшего друга влажными от счастья глазами.

– Тимоша, брат, как ты тут оказался? Сказывай!.. Постой! Щас я! – Афанасий метнулся широким шагом в сторону и тут же, подхватив, словно легкую корзинку, крупный чурбак, принёс его и уселся, хлопнув большими руками по коленям, приготовившись слушать дорогого гостя …

– Я, Афоня, тут по делам в составе гвардейцев. На коронацию в Москву нового царя привезли – внука самого Петра Великого. Ну, про это ты и сам знаешь. Скажи, друг, как тебе служится? Нет ли каких трудностей у тебя? Как сам Буженинов на твой счёт?

– Ой, ли! Ты что же, как в детстве, за меня заступиться готов? – рассмеялся Афанасий.

– Нет, друг! Ты мне нужен в одном важном деле! А коли он на твой счёт какой-то вопрос имеет, то вряд ли тебя со мной отпустит! Даже если сама покойного императора Петра I дочь его о том просить станет! – ответил тихо Тимофей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.